

Мария Фомальгаут
Временекрушение

Мария Фомальгаут
Временекрушение

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Временекрушение / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904690-1

...исследователи до сих пор не пришли к единому выводу, для чего наши предки делали часы именно круглыми. Предполагают, что это связано с тем, что на часы наматывалось время. Странно, что до сих пор ученые так и не смогли найти само время, даже его остатки...

ISBN 978-5-44-904690-1

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Оз для сказкенка	6
Та	7
Первого юлмарса	10
Поперек течения	13
Пентеракт	16
Прием лома	19
Подставка под время	24
Сколько стоит будущее	25
Наш дом	27
Стихия	30
Неувиденное завтра	32
Замок в замке на замке	34
Аниф	37
Юмн на крыльце	43
Артефакт	44
Поток времени	47
Интерактив	53
Тур	57
Приют	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Временекрушение

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4690-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оз для сказкенка

Сказкенок был еще слишком маленький, чтобы считаться настоящей сказкой – поэтому он был сказкенком. В разных странах его называли по-разному: в окрестностях Таймбурга про него говорили – сказкенок, а в окрестностях Букбурга про сказкенка говорили – сказкозенок. Даже собирались научные конференции, на которых спорили, как называть сказкозенка. Чтобы никого не обидеть, сказкозенок, когда летел в Таймбург, прятал оз и становился сказкенком, а когда навещал Букбург, снова доставал оз. И всем было хорошо.

Но однажды сказкенок потерял свою оз, а где – не знал. На самом деле потерял-то он оз в озере, но забыл. Да и достать его уже было невозможно, потому что озера без оз быть не может, нет такого слова – еро.

И больше сказкенка в Букбург не пускали.

Та

Небо здесь кажется желтым.
И земля здесь кажется желтой, выжженной солнцем.
И река желтая.
Хуанг Хэ.
Так императору сказали.
Хуанг Хэ.

Император не здешний, император издалека пришел со своим войском. Да какой император, завоеватель мира, не меньше.

Нет, не так надо начинать, не так.
А с дозорного.
Дозорный видит город – там, далеко впереди, – кричит.
Ускоряются всадники, подгоняют коней.
Ускоряются пешие.
Скрипят повозки.
Замер на горизонте город, не окруженный даже плохонькой крепостной стеной.
Конь дозорного спотыкается о самого себя, падает в дорожную пыль. Три воина бросаются к дозорному, падают, недвижимые рядом с ним.

Император хмурится. Но только когда еще три человека спешат к упавшим, он командует:

– Стоять!
Люди замирают.
Ждут.
Вопросительно смотрят.

Дозорные осторожно подбираются к крохотному кусочку дороги, на котором уже лежат четыре мертвеца.

Дозорный – еще совсем мальчишка – падает замертво.

– Мой император...
Что такое?
– Мой император... там, где погибли люди...
– Вы нашли ловушку?
– Да, мой император... вот...
– Что ты мне показываешь, это просто три камня!
– Там был еще один камень... лежал рядом с ними...
– ...какой-то особенный камень?
– Нет... просто камень.
– Они были выложены каким-то особенным образом?
– Нет... четыре камня. В каком бы порядке мы их не выкладывали, они всегда несли смерть... пленные умирили один за другим подле камней...

Враги врываются в осажденный город, люди замирают, спасения нет.
Высохший старик выходит на площадь, смотрит на вражеские полчища.
Хватает из корзины уличной торговки четыре яблока, бросает под ноги воинов.
Враги отступают, разбегаются в страхе, давят друг друга, кто-то отчаянно выкрикивает – четыре! Четыре!

Небо здесь кажется желтым.
И земля кажется желтой, высушенной от солнца.
И река желтая.
Хуанг Хэ.

– Часы, мой император.
– Что такое?
– Часы.

Император уже и сам видит, что часы, вот они, стоят у входа в крепость, песок высыпался.
– И что такое? Непобедимая армия испугалась песочных часов?
– Мой император... здесь может быть ловушка.
– Не вижу никакой ловушки. Часы. Просто часы.
– Но...

Император спохватывается, в этой стране всё не просто, очень не просто. Велит гнать пленных, обещает свободу. Пленные боятся, пленные прячутся, закрывают лицо руками. Несколько смельчаков выходят на мост, где стоят часы – падают.

Император сжимает зубы в бессильной злобе.

Темнеет.
Старый мудрец при дворце императора читает:
Знак Си означает четыре, а так же означает...
Этот знак означает часы, кроме того он значит...

Начинает понимать.

Император снова хмурится:
– Ну и сколько еще слов у них еще означает «смерть»?
– Мы ищем, мой повелитель...
– Что-то вы не торопитесь искать...

Та.
Это девушка.
Вон там, в зарослях бамбука.

Кто-то из воинов спешит туда, ловит незнакомку – уже нет никакой незнакомки, в зарослях бамбука скрывается солдат с обнаженным мечом. Император сжимает зубы – когда его собственный солдат падает замертво, пронзенный мечом.

Император не понимает – откуда. Как.
Властелин мира не понимает – откуда. Как.

Не так он себе это представлял, совсем не так, думал разрубить желтую землю одним махом, как Гордиев узел – а желтая земля не поддается, желтая земля не пустит...

Властитель мира срывается на крик:
– Взять его... взять!

Люди кидаются в заросли бамбука – но воина уже нет, вместо воина проскальзывает что-то рыжее, остроухое, воины целятся, чтобы застрелить лисицу – нет, нет уже никакой лисицы, лежит на дороге камень, странно, что только один камень, а не четыре...

Люди торопятся, хватают камень, хотят бросить его в огонь и облить холодной водой, чтобы раскололся на куски – пока не превратился еще во что-нибудь...

– Не надо. Я сам.

Это император.

Властелин мира.

Бросается к камню, который тут же обращается шустрым зайцем, спешит прочь...

Старый мудрец читает по слогам:

Та – он.

Та – она.

Та – он, она, – животное.

Та – он, она, оно – предмет...

Император смотрит, прищуривается.

Бросает тяжелый меч.

Отступает.

Люди не понимают, люди поглядывают на властелина, с ума сошел, что ли, или что с ним.

Сам же только что рвался в бой, и на тебе...

Завоеватель мира падает на колени, смотрит на та, бормочет что-то, не губи, не губи, отпусти, отпусти...

Встает с колен.

Шепчет – спасибо, спасибо.

Оборачивается к притихшей армии, срывается на крик, орет во всю глотку:

– А-а-а-атсупаа-а-а-ать!

Скрипят колесницы, стучат копыта, гулко ударяют ногами-тумбами в землю боевые слоны, перешептываются люди.

Пыль над дорогой.

Небо здесь кажется желтым.

– Мой повелитель! Почему вы...

– Что такое?

– Почему вы...

– ...ты что, не видел, это кто был?

– Но...

– Куда смотрели-то вообще?

– А...

– Та... это был Та...

...Та – он.

Та – она.

Та – оно (о вещи)

Та – он, она (о звере)

Та – Он (о Боге)

Первого юлмарса

Август пропал.

Когда пропал?

Да вот, первого юлмарса.

Вот так просыпаюсь, смотрю на календарь, первое юлмарса, всё при всём – а августа нет.

Люди в городке даже значения не придали – ну нет августа, и не надо, плакать теперь, что ли. Я еще ждал переполоха, сенсаций в газете, паники ждал, на всякий случай даже проверил кладовку, надолго ли еды хватит – а ничего не случилось.

Ни-че-го.

Ну, где-то десятого юлмарса проскользнула заметка в газете, что, дескать, август приятнее был, и жаркий, и знойный, и ветра так не дули – и всё.

– А почему юлмарс пришел, не знаете?

Это я спросил у продавца в кофейной лавке, он-то всегда всё знает.

Да задолбал этот юлмарс, раньше вот таких ветров не было...

– Так почему он пришел-то? Август же должен быть! Август!

– Ну что ж вы хотите, куда вы против природы-то, у природы свои правила...

– Да вы хоть понимаете, что это против всякой природы?

– Что поделаться, свои правила у природы... вот раньше-то август жаркий, знойный был, а сейчас ветрище какой... то тишь да гладь, а то ветер...

Так я ничего от продавца и не добился, только и слышал от него, что в августе раньше хорошо было, а теперь вот оно как...

И маленький городок продолжал жить – как будто ничего не произошло.

– А куда смотрит детектив?

Это сказали в конторе.

Нет-нет, это было потом, уже потом, а до этого я пришел в детективное агентство на соседней улице. Да, вот такое было необычное агентство – оно располагалось на улице, а не в доме.

– Слушаю вас, – спросил секретарь за стойкой.

Нет, не спросил, а сказал.

– Пропал август – выпалил я.

Я ждал, что на меня посмотрят, как на психа, что меня выставят вон – но секретарь только понимающе кивнул. Вернее, это был не секретарь, а секретер – на резных ножках и с выдвижными ящиками.

– У меня... украли август.

– Молодой человек, это что, ваш личный август?

– Н-нет, – я на минуту задумался, а вдруг август и правда был мой, и все остальные пользовались им только из моей милости.

– Так чего же вы волнуетесь?

– Да потому что больше никто не волнуется, – выпалил я, – слушайте, ну что такое, пропал целый месяц, и никому до этого дела нет!

– Ну а юлмарс вам чем не нравится? Люди уже изнемогают от жары, хоть чуток попрохладнее будет с этим юлмарсом, ну вот, ветер, правда, иногда сильный... ну что, под вечер налетит-налетит да и стихнет... Если бы февраль какой пришел или декабрь, другое дело, это беда бы была, а тут, подумаешь, юлмарс...

– Да нет... как вы не понимаете... пропажа ведь... куда наш детектив смотрит?

– Ну да, пожалуй, вы правы... и куда только смотрит детектив? Сию минуту сообщу ему... да что я, вы сами ему скажите...

С этими словами секретер показал мне на неприметную дверь в углу.

ВВЕДИТЕ СВОЙ ЗАПРОС

Это было уже потом.

ВВЕДИТЕ СВОЙ ЗАПРОС

Потом – когда я зашел в комнату, когда огляделся в поисках детектива, даже на полках посмотрел, может, там стоит какой-нибудь детектив в кожаном переплете – но ничего не было.

А потом:

ВВЕДИТЕ СВОЙ ЗАПРОС

Вот так. На экране.

Я уже готов был вернуться в комнату к секретеру, но спохватился – была не была – и набрал на клавишах:

КУДА ПРОПАЛ АВГУСТ?

Экран задумался, мигнул на секунду и спохватился:

НАДО ОПРОСИТЬ ОСТАЛЬНЫЕ МЕСЯЦЫ

Я чуть не хлопнул себя по лбу, ну, конечно, как же я до этого не догадался, вдруг другие месяцы что-то знают.

Первым делом я отправился к июлю – она жила на лесной опушке, залитой солнцем, где под ногами было полно земляники. Меня поразило, что июль оказался дамой, весьма привлекательной.

– А я что? А я тут при чем? Да я сама в шоке, скажу я вам, сама в шоке! Вот так, сдаю полномочия, а август нет...

– Август... тоже женщина?

– Ну, конечно же, вы как думали... вот так вот, ушла и не сказала ничего!

ОНА НЕ ПОЛУЧАЛА НАСЛЕДСТВА?

Это вмешался детектив. Я уже начал потихоньку привыкать к странному экрану, а вот июль пришла в замешательство и забормотала что-то про ужас современных технологий.

– Да какое наследство? От кого? Нас двенадцать сестер, все живы-здоровы...

Здесь уже я сам спохватился:

– А вы уверены, что все живы-здоровы, что никто не пропал?

– Ну... ой, не знаю я... проверять надо...

КОМУ ОНА ЗАВЕЩАЛА СВОЁ СОСТОЯНИЕ?

– Да не было у неё никакого состояния, что говорите-то...

– Странный у вас детектив, – осторожно сказал я, и уже приготовился вытерпеть бурю негодования.

– Новейшая модель, – оживился секретер, – хотите узнать принцип работы?

Меня передернуло. Во всяких там микросхемах я никогда ничего не понимал, а лекция про расчет погрешности нейронных сетей окончательно свела бы меня с ума.

– Вот, посмотрите... – секретер прямо-таки светился от счастья, – мы взяли тысячи детективов всех времен... Программа анализирует детективы... расследует преступления...

– И вы уверены, что этот ваш детектив найдет преступника? – не выдержал я.

Секретер хотел что-то ответить, но тут же осекся:

– Вы сказали... преступника? Преступника, вы сказали?

– А...

– ...а с чего вы взяли, что август убили?

Мне стало не по себе.

– Ну... детектив же...

– Это ясное дело, что детектив. Но почему вы сказали именно про убийство?

– Слушайте, ну честное слово, случайно вырвалось...

ВЫ ОБВИНЯЕТЕСЬ В УБИЙСТВЕ АВГУСТА

Я смотрел на экран, я все еще надеялся, что это какая-то шутка, розыгрыш, насмешка – но чем дальше, тем больше понимал, что мне грозит виселица...

– Постойте... дайте мне хотя бы одну ночь!

– Да, разумеется, вы имеете право на последнее желание...

– ...и позвольте мне ознакомиться с детективами, по которым учился ваш детектив...

– Гхм...

– А что я такого попросил?

– Ну, хорошо, хорошо... можете ознакомиться.

– Ваше последнее слово? – спросил секретер.

Я многозначительно улыбнулся: я ждал этого момента полночи – потому что еще до полуночи узнал, что случилось с августом.

– Я знаю, что случилось с августом, – сказал я.

– Вы...

– ...я знаю, что случилось с августом.

– Ну, еще бы вы не знали, ведь это вы его...

– ...а вот и не я.

– У вас есть доказательства?

– Очень даже есть, – я многозначительно протянул секретеру тетрадь.

– Гхм... если я не ошибаюсь, это... позвольте-позвольте... так и есть... записи Агаты Кристи... незаконченные отрывки... черновики... задумки книг, про которые сама леди Агата забыла, что хотела сказать...

– Вот именно. А теперь, будьте добры, обратите внимание вот на это.

– Гхм... это же... – секретер наклонился к дневнику и внимательно прочитал: – ненастоящая сестра... август. И что вы хотите этим сказать?

– Неужели вы ничего не понимаете? Запись к так и не созданному роману... одна строка... Мы-то с вами понимаем, о чем идет речь, дело было в августе, история связана с сестрами... А что думает ваш... гхм... детектив? Он наивно полагает, что из двенадцати сестер-месяцев август – ненастоящая сестра!

– И... и куда же он дел август?

– Вот это нам и предстоит выяснить... боюсь, выпытать что-то у электронных мозгов будет сложновато.

Секретер осторожно откашлялся:

– А... а можно вас попросить... быть нашим детективом?

– Спасибо, – ответил я весьма польщенный, – я подумаю над вашим предложением.

Поперек течения

А вот как тяжелее грести, по течению реки или против течения?

А вот как проще плыть, вдоль реки по течению или поперек?

Вдоль, конечно.

Амар это знает.

Хорошо знает.

Нет, не омар.

И не комар.

А Амар.

Амар гребет, понимает – не вывести лодку, унесет течением, река-то здесь вон какая, бурная, бешеная, закружит, унесет. А за Амаром еще лодки плывут, смотрят на фонарик в лодке амаровой, единственный огонек в непроглядной тьме.

Плещется река.

Бьются весла о шумящие волны.

Реки, они разные бывают, Амар знает. Амара отец с собой по рыбалкам таскал, вот Амар и знает. Есть речушки тихонькие, текут неспешно, будто сами себя стесняются. Есть реки горные, бурные, необузданные. Есть реки, на которые посмотришь – тишь да гладь, а как шагнешь в реку, как потянет на глубину, как закружат бешеные водовороты – унесут, не воротишься.

Есть реки.

А есть Река.

Река, она разная – где-то тянется плавно-плавно, ровно-ровно, там, например, где династия Сун, где-то вертится бешеными водоворотами, как в Смуту, где-то несется стремительным потоком, будто старается убежать от падающих бомб.

Когда отец у Амара спрашивает, где тот работает, Амар так и говорит —

– На Реке.

Ну а как еще объяснить...

На Реке.

– Помню... когда это было-то... когда-то... нет, было же... Ночью идем, темень такая непроглядная, а тут река... ну, мы не видим, что река, слышно только, вода шумит, волны плещут, свежачком потянуло... Мы туда-сюда, – а моста нет. Ну еще бы, мост был, кто нам мосты строить будет, некому мосты строить-то... И брода нет. Вот мы еще даже не смотрели толком, только чуем – брода нет.

Ну что делать, сколотили лодочки, не впервой, так-то мы реки переплывали, то речушки мелкие, а чтобы глубокие реки, это первый раз.

Кто же знал, что река такая окажется, сверху ровнехонько-ровнехонько, плавнехонько-плавнехонько вода течет, а как лодку-то опустишь, так и подхватит тебя, так и закружит, мало не покажется...

Далеко унесло течением, ну, это ясное дело, хорошо еще в водопад не попали. Долго плыли, ну, еще бы не долго, река вон как несется, с таким течением черта с два на берег выберешься. Уже и позабыть успели, куда путь держали, а как хотели, вон сколько времени прошло. Ну, кое-как выбрались на берег, не все, конечно, выбрались, много кто потонул, мир их праху, благоверную мою там в водоворот затянуло, у Астерса сына унесло...

Лодки вытаскивать не стали, да что там от лодок осталось, щепки одни от лодок остались, вот что я вам скажу. Потом еще плутали, дорогу выискивали потерянную, ну да ничего, нашли, и к дому вернулись... а вы как хотели, дрога домой, она всегда вот такая... сложная...

– Берег.

Это Амар говорит.

Шепотом, про себя говорит, чтобы не слышал никто:

– Берег.

Разворачивает неприметную карту, смотрит на излучину реки:

– Берег.

Часы судного дня показывают без одной секунды двенадцать.

Есть такие.

Часы.

Судного дня.

И показывают без одной секунды...

Люди решают, что делать, чтобы не пробило полночь.

Боятся люди полуночи.

Ох, боятся.

Собирают советы, саммиты, принимают решения.

А Амар говорит:

– Берег.

Вот так выходит на площадь перед народом, говорит:

– Берег.

– ...уважаемые туристы, будьте добры, обратите внимание на вот этот пологий берег. Ничем не примечательное место, верно? А теперь скажите, пожалуйста, почему здесь установлен памятный знак?

– Река дальше не течет?

– Да как же не течет, вон она течет, куда она денется?

– Утонул там кто-нибудь?

– Да сколько плыли по реке, столько тонули, это памятников не напасешься!

– А на берег вышли?

Смех.

– Кто сказал, что на берег вышли? Вы сказали? Ну, не бойтесь, не бойтесь, мы вас не обидим... молодец, пять баллов. Совершенно верно, именно здесь было положено начало новому витку эволюции, а именно – люди вышли на сушу.

– Да это много раз было!

– Верно, много раз, но первый раз – здесь.

– А каковы ваши доказательства?

– Ну... какие могут быть доказательства... легенда так гласит...

– Всё понятно с вами.

– Не верите?

– Ну как вам сказать...

– А у вас тут омар неправильно написан!

– Кто написан?

– Омар!

– Э-э-э, нет, уважаемые гости, это не омар, а Амар, он...

Схватить Амара.

Это приказ развесили по всем городам, по всем столицам, по всем странам:

Схватить Амара.

И тех, кто плывет к берегу – тоже схватить.

Амар гребет к берегу.

А вот как тяжелее грести, вдоль реки или поперек?

То-то же.

А Амар гребет.

Сносит течение Амара. Сносит.

А впереди водопад. Одна секунда до водопада.

Сзади люди плывут, качаются лодки, смотрят на огонек на корме Амара. Сзади стражники плывут, палят, стреляют, хотят подбить Амара, и сейчас бы загасить огонек, затаиться – да как загасишь, как затаишься, когда на твой огонек люди плывут.

Дзин-н-н-нь-гр-р-ро-х-х-х-х-х.

Это стражники р-р-ра-з – и огонек на корме меткой стрелой подбили. Или меткой пульей, кто там разберет. Амар замирает – сейчас бы затаиться под градом пуль, слиться с темнотой ночи, чтобы не убили, да как тут затаишься-то, когда люди в темноте потеряли путь...

Кричит Амар, во весь голос кричит:

– За мноо-о-о-о-й!

И град пуль.

Весло с легким стуком ударяется в твердь...

...помимо всего прочего наши предки время от времени использовали совсем уж неожиданный метод охоты: выманивали речных жителей на берег. Как нашим предкам это удавалось, до сих пор до конца не понятно: возможно, они обещали, что на берегу жителей реки ждет что-то особенное, прекрасное, чего раньше они никогда не видели, или потеряли бесконечно давно...

Пентеракт

– Похоже на выстрел, – сказала Грета.

Я оторвалась от вязания, посмотрела на свою... снова отчаянно попыталась вспомнить, кем же мне приходится Грета, сестра, подруга, кузина, может, дальняя родственница, или тетя, или племянница, или...

...нет, я так ничего и не вспомнила, снова посмотрела на Грету, о чем она... а, ну да...

– Что ты сказала?

– Я слышала выстрел, – отозвалась Грета, закинула за ухо темную прядь.

– Ну что ты говоришь, радость моя, откуда тут...

Я не договорила, прислушалась – ей показалось, что теперь и она услышала что-то, похожее на выстрел – там, в летнем зале возле библиотеки.

Ни слова не говоря, мы устремились туда, даже столкнулись в коридоре своими платьями – именно эта крохотная заминка помешала нам увидеть преступника, и когда мы ворвались в комнату, она была пуста – если не считать лежащей на ковре старой леди, которая, несомненно, была мертва – простреленный левый висок красноречиво свидетельствовал о свершившейся трагедии.

– Кто... кто её... – я не договорила, мне страшно было произнести это слово – убил.

Первым делом я оглядела комнату – не притаился ли где-нибудь убийца – но вокруг никого не было, если не считать нескольких мотыльков, оставшихся еще с осени. Каково же было моё удивление, когда я обернулась в сторону широкой балюстрады, уводящей в старую часть дома, и увидела в дверном проеме Риту – она стояла, прислонившись к дверному косяку и обхватив обеими руками своего Питера – так она назвала плюшевого кролика, с которым никогда не расставалась. Я отчаянно попыталась вспомнить, кем мне приходится Рита – дочерью, сестренкой, племянницей, дальней родственницей или еще кем – но память упорно отказывалась что-то мне объяснять.

– Рита! Назад! Назад! – Грета кинулась к Рите и поспешно увела её в детскую, откуда секунду спустя донесся приглушенный Гретин голос, – и тогда кролик Питер поскакал к дому фермера...

Я наклонилась над умершей – и тут же отпрянула в страхе, когда та, которую я считала мертвой, повернула ко мне бескровное лицо и прошептала непослушными губами:

– Пэгги... это Пэгги...

Мгновение спустя она превратилась в неподвижное мертвое тело – все произошло так быстро, что я даже не успела испугаться. Мои руки сами собой потянулись к неприметной сумочке, которую сжимала в руках убитая – мне на ладонь выпали ничего не значащие дамские мелочи, и я уже хотела бросить их обратно в сумку, когда мое внимание привлекла неприметная визитница. Мои поиски увенчались успехом, когда я увидела выгравированное на визитной карточке имя – Марго Уэйнрайт.

Итак, убитую звали Марго – если, конечно же, это была её сумка – и что самое странное, она носила мою фамилию, значит, могла приходиться мне родственницей. Я попыталась вспомнить, где могла видеть эту престарелую леди – но в веренице днй рождения и рождественских вечеров мне ничего не вспоминалось.

Я не заметила, как подошла Грета и сказала, что надо бы позвонить в полицию, – но тут же спохватилась, что у нас в поместье так и не проведен телефон. Мое предложение послать в город экипаж было тотчас же отвергнуто – метель мела уже третий день, выбраться из поместья не представлялось возможным.

Кое-как мы перенесли тело умершей в темноту подвала – когда мы вернулись в гостиную, меня все еще била мелкая дрожь, и мне казалось, что покойница сейчас войдет в комнату. Я

хотела сказать, что маленькая Рита, возможно, видела убийцу – но Грета замахала на меня руками, чтобы я и не думала о таких ужасах.

Больше мы ничего не говорили про убийство – до тех пор, пока поздно вечером Грета не проскользнула в мою спальню и не устроилась в изголовье постели:

– Мэг, – прошептала она, – а ведь это не первое убийство в Уэйнрайт-холле.

Мне стало не по себе.

– Ты хочешь сказать, что в архивах нашего дома указано, что здесь кого-то убили? – спросила я.

– Нет, не в архивах... – Грета задумалась, – понимаешь... я видела.

– Что?

– Я раньше думала, что мне показалось... что это детские фантазии, не более того...

– Детские фантазии? О чем ты?

– У меня было одно воспоминание из детства... такое смутное, что мне казалось, это просто сон, или какая-то сказка, которую мне читали давным-давно... Я услышала резкий хлопок, выбежала из детской в залу и увидела двух женщин... одна из них лежала на полу, вторая наклонилась над ней... и тут же выбежала из комнаты... Потом пришли взрослые, увели меня в детскую... А когда я спросила, кто были те женщины, мне сказали, что никого не было, что я придумала...

– Дорогая моя, у тебя просто разыгралась фантазия. Поверь мне, это просто страшный сон из детства...

– Нет-нет, я видела это... Я видела это так же ясно, как вижу тебя сейчас... Но я не могу вспомнить лицо убийцы... – Грета отчаянно закрыла лицо руками, – не могу...

Однако, на этом невероятные события в нашем доме не закончились: не прошло и нескольких дней, как мне понадобилось за чем-то спуститься в подвал – я совершенно забыла, что там спрятано тело, спохватилась, когда уже оказалась в маленькой нише. Каково же было мое удивление, когда я увидела, что мертвая леди исчезла. Не помня себя от страха, я кинулась в комнаты – и у меня еще хватило самообладания, чтобы не закричать при маленькой Рите, а шепнуть Грете на ухо:

– Дама исчезла.

– Что ты говоришь? Какая дама?

– Тело дамы в подвале... оно исчезло...

– Перестань, перестань, я тебя умоляю... какой ужас... послушай, мне страшно, мне кажется, что эта дама стоит у меня за спиной...

– Нет, нет... послушай... а что если нам всё это просто... показалось?

– Показалось? О чем ты говоришь?

– Ну, конечно... в ту ночь разыгралась жуткая метель, у меня был приступ мигрени... ты уверена, что все это убийство – просто плод нашего воображения?

– Ты думаешь...

– Ну, конечно... еще этот готический роман, который мы читали после обеда...

– ...а чай с ликером за ужином...

– ...вот-вот, чай с ликером!

– Так ты думаешь...

– ...что нам это всё просто показалось.

Кажется, мои слова успокоили Грету. Чего нельзя было сказать обо мне – той же ночью мне привиделся жуткий сон – женщина в синем платье стреляет в старую леди, а потом в панике убегать в библиотеку и дальше по винтовой лестнице в башню. Сон был настолько явственным, что мне казалось, будто я вижу всё это на самом деле. Я проснулась в холодном поту и долго оглядывала темную спальню – мне казалось, что убийца подкарауливает меня в темных углах.

Шли годы, но страшный сон не оставлял меня, всё время обрастая какими-то жуткими подробностями. Масла в огонь подливала и Грета, то и дело вспоминая свои детские страхи.

Последней каплей стала наша ссора в Сочельник: мы ждали гостей, но никто не явился, потому что дороги вокруг Уэйнрайт-Холла замело снегом. Помню, что я надела синее платье и убрала волосы в замысловатую башню, прежде чем спуститься в комнаты, где меня уже ждала Грета. Когда она увидела меня, то изменилась в лице – я никак не могла понять, что так испугало мою... (я так и не смогла вспомнить, кто она мне).

– Что... что с тобой? – спросила я и посмотрела в изборожденное морщинами лицо: только сейчас я поняла, как постарела Грета за эти годы.

– Ты... так это же ты! – прошептала моя... (Кто?)

– Что я?

– Ты... это ты её убила! Я помню... синее платье... я стояла маленькая, в дверях... я видела...

Не помню, что нашло на меня в этот момент: должно быть, я просто испугалась, что она позовет на помощь или позвонит в полицию, я даже не подумала, что у нас в доме попросту нет телефона и других людей. маленький пистолет на журнальном столике попал мне на глаза сам собой, дальше все было как в тумане. Секунду спустя я смотрела на Грету, распростертую на полу – и не могла поверить, что это я нажала крючок револьвера. Легкий шорох в углу привлек мое внимание – в дверном проеме я увидела маленькую девочку, она смотрела на меня полными ужаса глазами, прижимая к себе плюшевого кролика. Шаги на лестнице испугали меня – я бросилась в библиотеку и дальше в башню, где бы меня никто не нашел.

Скажу сейчас откровенно: я не хотела убивать Грету. Более того, я поклялась отомстить за её смерть и за смерть неизвестной старой леди, я поклялась найти убийцу. Теперь, много лет спустя, я точно знаю, что мои сны – это не просто детские кошмары, а вполне реальные воспоминания о том, как в детстве на моих глазах убили человека.

И я уже знаю, кто это сделал. Я видела Пэгги, её синее платье, и да, её зовут Пэгги, да, да, сейчас она войдет сюда, и я спрошу её, вот так, в лоб спрошу, и ей не отвертеться, да, да, конечно, я уже стара, силы уже не те, но я заставлю её признаться...

(...записи обрываются...)

Прием лома

Красный, осенний плющ вонзался мне в руки – казалось, сейчас он порвется и я полечу вниз с головокружительной высоты. До сих пор не понимаю, почему этого не произошло – должно быть, удача все-таки сопутствовала мне, впервые за все эти годы.

Спящий Гольф-Холл встретил меня гробовым молчанием – нигде не было слышно ни звука, ни вздоха, ни дуновения ветерка. Однако, я все-таки еще раз внимательно оглядел комнату и удостоверился, что вокруг никого нет, прежде чем обернулся к сейфу.

Здесь я едва не сделал поистине роковую ошибку: я почти готов был вскрывать сейф, когда, на счастье свое, обнаружил, что Король Мира стоит не в сейфе, а на столе лорда Гольфа.

Дрожащими от волнения руками я подхватил бесценную статуэтку – конечно же, не голыми руками, сначала я завернул его в шелковый платок – и только потом спрятал величайшее сокровище за пазуху.

Одинокая луна заглядывала в окна, когда я забрался на подоконник старого особняка. Что-то заставило меня замешкаться – должно быть, мой привычный страх высоты парализовал меня – так или иначе я замешкался на подоконнике на несколько секунд – и этих секунд лорду Гольфу хватило, чтобы ворваться в кабинет и прострелить меня навывлет – он всегда был достаточно метким. в последнем проблеске сознания – мир уже заливался кровью – я выронил Короля Мира из рук – этого было достаточно, чтобы бесценная статуэтка кувырком полетела в заросли каштана. Я был уверен, что Мэррис подхватит золотую фигурку и унесется прочь, нахлестывая своего Шеппарда.

И в последние мгновения своей жизни я успел подумать – оно того стоило...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

Читаю.

Вхожу в бар.

Жду.

СТРАННИК В СЕТИ

Выжидаю.

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ВЛОЖЕНИЕ

ОТКРЫТЬ

Открываю.

Смотрю на план незнакомого здания.

Выхожу из бара.

Такси.

Называю район.

Город несется навстречу.

Выхожу на площади.

Чек-аут.

СТРАННИК В СЕТИ

Странник сбрасывает мне на почту план города, нужное здание отмечено красным.

Подхожу.

Пропускная система не видит меня. Камера меня тоже не видит, я уже знаю – черный квадрат на экране услужливо закрывает мое лицо.

Лифт.

Этаж номер тысяча какой-то там.

Два матерых охранника пытаются преградить мне путь – тут же отступают. Они не видят во мне чужого, один из них даже бормочет какие-то любезности, похоже, принял меня за большого человека.

Прижимаю к двери ладонь.

Дверь медлит, будто думает, пустить меня или нет. Наконец, нехотя открывается.

СТРАННИК

НАПИСАТЬ СООБЩЕНИЕ

ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА

Смотрю на неприметную шкатулку, еще не верю себе, что все так просто.

Открываю.

Не понимаю.

СТРАННИК

НАПИСАТЬ СООБЩЕНИЕ

ТАМ НИЧЕГО НЕТ

Жду.

ВАМ СООБЩЕНИЕ ОТ СТРАННИК

Я ЗНАЮ

Думаю, кто из нас сошел с ума.

Я ДОЛЖЕН ПРИНЕСТИ ВАМ ШКАТУЛКУ?

НЕТ.

...странник печатает сообщение....

ПРИНЕСИТЕ МНЕ ТО, ЧТО В ШКАТУЛКЕ.

НО ТАМ НИЧЕГО НЕТ

ПРИНЕСИТЕ.

...странник печатает сообщение...

МОЖЕТЕ ВМЕСТЕ СО ШКАТУЛКОЙ.

Покорно беру пустую коробочку, выхожу в коридор. Матерые охранники преграждают мне путь, это еще что, это новенькое что-то...

– ...нельзя выносить.

– Но...

– ...нельзя.

БРОСАЙТЕ В ОКНО.

Бросаю пустую шкатулку – сам не знаю, зачем.

Еще пытаюсь пробиться к лифту, охранник повыше сворачивает мне шею, вот так, просто, одним махом, я и не думал, что это так просто сде...

Вода.

Это хорошо.

Солнце.

Это тоже хорошо. Пока хорошо. Пока мало солнца.

Потом много солнца будет. Плохо будет.

Святылище.

Это тоже хорошо.

Я его нашел.

И это хорошо.

И я – хорошо.

Враг.

Нет, еще не враг. Еще только запах врага.

Плохой запах.

Смерти запах.
Врага запах.
Пинь, пинь – одинокая птаха в кустах. Чует беду.
И я чую беду.
Иду в святилище. Песок под ногами. Кровь на песке. Что-то было тут.
Что-то...
Король мира смотрит на меня. Из чистого золота король мира.
И смотрит на меня.
И я на него смотрю.
Беру короля мира.
Через тряпицу беру, не просто так.
Несу. Бережно несу. Как короля несу.
Враг.
Здесь.
У входа.
Летит в меня вражеская стрела.
Вонза...
...а, нет.
Не вонзается.
Король мира укрыл меня.
Король мира.
Враг падает на колени, пораженный.
Иду мимо.
С королем мира иду.
Это хорошо.
Солнце.
Еще не горячее, еще хорошее.
Песок.
Тоже еще не горячий, хороший еще песок.
Домой иду.
К народу своему иду.
Ждет меня народ.
И Верховный ждет.
Больно. Миру больно. И солнцу больно. Кровь на песок. Много крови. Король мира тяжелый. Не удержать. И себя не удержать. Падаю на песок.
Это плохо.
Нож у врага.
С кровью нож.
Сзади враг.
Король ми...

Выверяю координаты.
Снова.
Снова.
Спрашиваю себя, как я выверял координаты, – с учетом движения галактик или нет.
Снова выверяю координаты – вместо того, чтобы посмотреть память.
– Это здесь.
Пославший меня сюда говорит мне:
– Это здесь.

Все-таки не верю, все-таки проверяю сам, все-таки помню, как мой заказчик завел меня неведомо куда.

Мертвая планета.

Черный ветер летит быстрее скорости звука.

Приземляюсь – с третьей попытки. Здесь нужно подождать, только некогда ждать, оглядываю местность, если здесь вообще применимо – оглядываю, ищу...

Ледяная пустыня молчит.

Вижу объект. Нет, еще не объект, еще только какой-то ничтожный намек, что где-то там может быть объект.

Выпускаю вездеход, который тут же сносит ветром.

Думаю.

Выпускаю второй вездеход, который цепляется за лед.

Уже прикидываю, как буду выпускать третий вездеход, который скроется подо льдом. До третьего вездехода дело не доходит – вторая машина натывается на объект.

Только сейчас понимаю, что не знаю про объект ничего. Ровным счетом ничего. Даже не знаю, что он сделает с моим вездеходом, оставит от него горстку пепла или что похуже.

Ничего не происходит.

Вездеход берет объект – как учили. Осторожно направляется ко мне.

Выжидаю.

Подхватываю контейнер с... (с чем?) сообщаю заказчику:

ГОТОВО

Тот, кто привел меня сюда, не отвечает.

Ждет.

Поднимаюсь с ледяной земли – с четвертой попытки. Да нет, я уже не считаю попыток, мне уже не привыкать к неудачам.

Дело того стоит.

Состыковка.

С первой попытки, что даже странно.

Он ждет меня.

Он.

Тот, кто привел меня сюда.

Передаю контейнер, думаю, когда можно заикнуться об оплате, нет, еще не сейчас, еще рано, еще...

Он открывает контейнер.

Смотрит в пустоту.

Я понимаю, что проиграл. Жестоко. Безнадежно. Подыскиваю какие-то обещания непременно найти объект, ничего, пересечем еще половину вселенной, обгоняя расширение, сожжем еще несколько десятков звезд...

– Вы нашли его. Спасибо.

Мне кажется, я ослышался.

– Спасибо, – повторяет он.

Говорит что-то, что отдаст мне половину топлива сейчас, а половину...

– ...не понимаю.

Спрашиваю, что в контейнере.

не понимаю ответа: ничего.

Почему ничего...

– Так, пацаны, это вот сегодня в переплавку, это до завтра подождет.

– А чего до завтра ждать-то будем?

- Ты тут вообще слохнуть хочешь, я с ног валюсь вообще!
- Ну, иди, тебя держим, что ли...
- Да что вы за народ такой... ладно, давай грузить... а это чего за фигня такая?
- У, прикольный...
- Чего, себе взять хочешь?
- Да ну, нафиг, давай в печь... хоть подзаработаем...
- И куда потом деньжищи девать...
- Нам отдай, куда...

Подставка под время

...исследователи до сих пор не пришли к единому выводу, для чего наши предки делали часы именно круглыми. Предполагают, что это связано с тем, что на часы наматывалось время. Странно, что до сих пор ученые так и не смогли найти само время, даже его остатки. Помимо этого существует версия, что часы представляют собой колесо какого-то механизма, который катился по времени. Однако, проложенные для часов рельсы так же не были обнаружены. Впрочем, сейчас всё больше исследователей приходит к выводу, что плоские часы использовались как подставка под время – что, впрочем, не избавляет нас от необходимости найти само время...

Сколько стоит будущее

За все платить надо.

Ну а вы как хотели, жизнь такая.

За хлеб там, за воду, за дом.

За все.

Ну и за время тоже.

Что?

Не верите?

А вот вы сами посмотрите. Вот дом деревянный стоит, а люди из колодца ведрами воду носят.

Это в каком веке воду так носили?

То-то же.

А вот рядом дом стоит, там водопровод есть.

Это когда водопровод появился?

Вот именно.

А вон еще дом стоит, там компьютер. А компьютер когда появился, да не абы какой, а планшетный?

Во-от.

Вот и получается, что в первом доме век девятнадцатый, во втором – двадцатый, а в третьем двадцать первый.

Хотите в новый век перебраться?

Да без проблем.

Деньги платите, и вам какой хотите век сделают.

Вон недавно у Карпатова в доме был...

(мы с ним со школы знакомы, если что)

...а у него от дома до города портал.

Вот так.

Все на машинах ездят, а у него – портал.

Я у него спрашиваю, а когда портал изобрести успели, где купить можно, а он смеется – ишь какой, портал еще не изобрели.

А когда изобретут?

А вот в две тыщи семидесятом.

Не раньше.

А у Карпатова уже есть.

У него много чего есть, денег-то куры не клюют.

Он и меня научил деньги делать.

Ну, не за спасибо, конечно. Я теперь на него работаю.

Он мне показывал: берешь кредит, покупаешь кусочек будущего, ну такой кусочек, чтобы людям интересно было, айфон там двадцатый или еще что такое. Люди понабегут, распродашь айфон, на вырученные деньги снова кусочек будущего...

Тот еще фрукт.

Был.

Почему был-то?

Ну, мы с ним вместе работали, было дело, вместе будущее продавали. Рисковое дело, скажу я вам, очень рискованное, в будущее ходить, я один раз так пошел, а там война. Ну, я уже не говорю про другие случаи, когда вот так в будущее шагнешь, а там стена, и окажешься там замурованный...

Ничего, выучился я в будущее ходить.

И Карпатова выучил.

Я ему тогда верил, Карпатову-то, да мы ему тогда все верили, думали, нормальный человек, а он вон что...

Ну как же?

Вот так вот, на заседании собрались, а Карпатов бац – и в президентское кресло садится. Я, говорит, президент компании. Мы ему – ты чего, попутал, что ли – а он бац, и документы показывает, что все активы на себя переписал.

Так-то.

Я думал, люди тут рвать и метать будут, что Карпатов всех вокруг пальца обвел.

А люди раз – и от смеха покатались, одна барышня вообще слезы утирает, тушь по лицу градом, в кресле откинулась, по коленке себя хлопает – ха-а-аха-ха!

Карпатов как будто и не слышит. Идет деньги отоваривать.

Ушел.

Я жду, когда вернется – а он не возвращается.

И не вернулся.

Я потом интереса ради смотрел, как надолго ему денег хватило.

Хотел навести справки, что там в трехтысячном веке, – не стал.

Наш дом

...здесь стоял наш дом с незапамятных времен – еще до того, как появились здесь мы сами, и, кажется, еще до того, как появился весь этот мир. Дом был большой, по-настоящему большой, а не как пишут в объявлениях, когда обещают великие хоромы, а приезжаешь и видишь крохотный домишко, куда еле-еле поместишься со всем скарбом.

Злата сразу же облюбовала себе верхний этаж к моему великому неудовольствию – я тоже мечтал забраться повыше. Но вскоре моя товарка поняла, что на третьем этаже не так уж и уютно из-за продувных ветров, и верхняя комната отошла мне.

По вечерам мы устраивались в гостиной, и пили кофе...

ПРИКАЗЫВАЮ

Исследовать местность в радиусе 1 км от перекрестка в целях обнаружения местонахождения...

Перекресток.

Шорох шин.

Степь.

Три человека.

– Ищите... хорошо ищите...

Ищем. Хорошо ищем. Было бы, что искать. Бескрайняя степь насколько хватает глаз.

Осторожно откашливаемся:

– Здесь... ничего нет.

– Я и сам вижу, что ничего нет, а вы ищите, поняли вы меня?

Понимаем, что вами лучше не спорить.

Ищем.

...по вечерам в нашем доме зажигались огни, на которые слеталась всяческая мошкара. Чтобы окончательно сделать наш дом уютным, мы купили в сувенирной лавке несколько легенд и заказали привидение. Правда, привидение возмутилось, что оно привыкло жить в замке, а у нас обычный дом, но мы приделали к дому несколько башенок, чтобы он стал похож на замок.

– Похоже на детские фантазии...

– Да не похоже, а фантазии и есть. Что вы нашли?

– Ну, если здесь и был какой-то дом, то его давно нет.

– Это я и сам не хуже вас вижу. Вы мне лучше скажите, где он был.

– Найдем. Вы посмотрите, мы вон чего раскопали, вон, фундамент в земле...

– Ну, так разберитесь, что за фундамент был...

Со стороны наш дом не казался особенно богатым – но мы знали, что если войти в дом, он окутает нас небывалым уютом и теплом. Очарование нашего дома могли постигнуть только те, кто заходил внутрь – но таких счастливых было очень и очень мало.

– Да кто ж его помнит-то... было чего-то... чегой-то было-то... склад какой-то...

– А не дом?

– Да какой же дом, где там дом-то... склад был чегой-то...

- А дом не помните, был?
- Да какой же дом-то... склад был...

...настоящим сокровищем нашего дома была лампа с джинном: Злата купила её в той же сувенирной лавке, что и легенды. Мы знали, что в лампе живет джинн, который исполняет желания – вернее, только одно желание. Исполнив одно-единственное желание, джинн рассыпался бы в прах. Поэтому мы никогда его ни о чем не просили, даже в тот роковой день, когда поняли, что с домом придется распрощаться...

- Вон там еще обломки какие-то...
- Смотрю на вас, отчаянно возражаю:
- Это ограда была.
- А что она ограждала, ограда эта?
- Э-э-э...
- Вот это проверьте, обязательно проверьте... мало ли...

Киваю. Обещаю проверить. Осторожно думаю про себя, что вы малость того, что поверили в лампу с джинном – но думаю о-о-очень-очень осторожно, так, чтобы мои мысли не отпечатались в книге, а то ведь вы её читаете сейчас, узнаете, что я про вас думаю, мало не покажется...

- Оглядываю пустошь.
- Степь.
- Остатки изгороди.
- Фундамент чего-то там неведомо чего.
- Одинокие деревца, на одном из которых приколочены какие-то доски.
- Бетонная плита у дороги...
- Плита...
- Плита...
- А под плитой что? – спрашиваете вы.

Ага, спохватились, я уже думал, не заметите, ага, как бы не так, уже увидели плиту, уже спрашиваете, что под ней. Ничего не поделывать, придется копать, ладно-ладно, любой каприз за ваши деньги, я даже говорить не буду, что не может быть дома под фундаментом...

...иногда в нашем доме появлялись гости – впрочем, нечасто. Почему-то мы тщательно прятали от них лампу, как будто боялись, что с ней может что-то случиться – хотя кроме нас тайну лампы не знал никто...

Вы перечитываете дневник, пожелтевший от времени. Осторожно замечаю, что это может быть не обязательно правдой, а вдруг это чья-то неудавшаяся повесть, не более – но вы и слышать не хотите.

Вы верите.

Вы обходите пустошь и ощупываете воздух, как будто дом может быть невидимым. Вы осторожно спрашиваете, может ли здесь быть какой-то портал – я пожимаю плечами, всё может быть. Нет, в нашем мире наука не знает, что такое порталы. Ну, можно, конечно, исследовать, кто вам не дает-то. Это не ко мне, я не физик, это вы с физиками договаривайтесь, они вам там чего-нибудь на Адронном коллайдере или я не знаю, на чем...

Вы спохватываетесь, вы волнуетесь, вы требуете прочесать всю траву, вы ищете крохотный домик, не домик – домишко, который не видно невооруженным глазом. Осторожно замечаю, что дневник в моих руках вполне себе нормальных размеров, так что вряд ли его автор

будет крошечным. Вы спрашиваете, нет ли у нас каких-нибудь уменьшителей, я клятвенно уверяю – нет, нет.

...больше всего меня поразило, что сейчас, годы и годы спустя, когда я вернулся в те же края, наш дом все так же стоял на своем месте – время пощадило его. Тем более странно, что Златы уже нет в живых, да и мои собственные кости рассыпались в прах – делом все так же стоял, как и во времена нашей юности, такой далекой, что даже край вселенной кажется ближе.

Вы читаете, вы удивляетесь, вы сомневаетесь, – вы думаете, что это фейк, какой-то изощренный фейк, розыгрыш какой-то, а может, и правда неудачный литературный опус.

Вы уезжаете.

Шорох шин.

Пыль по дороге.

Я вижу дом. Я его сразу же увидел, как только мы сюда приехали. Поднимаюсь на первый этаж – это оказывается не так просто, как я думал – оглядываю гостиную с камином, она оказалась меньше, чем я думал. Ищу лестницу на второй этаж, лестница находится не сразу, второй этаж здорово обветшал, но еще сохранил остатки бывшего уюта. Что-то подсказывает мне, что лампа спрятана на третьем этаже, – я карабкаюсь туда, с третьей попытки попадаю в комнату – здесь стоят кровати, здесь ночник, здесь занавески, здесь еще что-то, нужное для спальни...

Шорох шин.

Машина останавливается.

Вы.

Здесь.

В двух шагах.

Отчаянно пытаюсь понять – как вы, почему вы, зачем вы, неужели внимание книги переключилось на меня, неужели книга смотрит, что я делаю, а я-то, идиотище, поверил, что действие сейчас унеслось за вами и вашей машиной туда, на запад, к большим городам...

Вы спешите ко мне.

Вы уже не требуете показать вам дом – вы видите дом.

Дом.

Доски на дереве.

Веревочные лестницы.

Выцветшие тряпки.

Дом.

Вы всё понимаете, вы смеетесь, вы хлопаете меня по плечу. Вы еще раз смотрите на дом.

И уезжаете.

Что?

Что такое?

А-а-а-а, три человека было... верно говорите, три человека. Вы, я, и...

Да.

Он сидит рядом со мной.

Благодарно пожимает мне руку.

Я знаю, что он может выполнить любое мое желание.

Но я ничего у него не прошу.

Ничего...

Стихия

Никто его не убивал.
Это уж потом было.
Ну, не совсем потом, но потом.
А до этого:

– Где вы были в момент убийства?

– Никакое это не убийство.

– Простите?

Смотрю на него, не понимаю.

– Никакое это не убийство.

– Но...

– ...он умер, не так ли? Но с чего вы взяли, что его именно убили?

– Но... разве это не детектив?

Он смотрит на меня, усмехается:

– А вы что, смотрели обложку нашей книги?

– М-м-м-м...

– ...а ведь все намного проще. Стихия, друг мой.

– Стихия?

Совершенно верно. Старого лорда убила стихия, да вот вы сами посмотрите на обложку книги, роман-катастрофа, люди беззащитны перед лицом стихии, которая убивает старого лорда...

Молчу. Не могу поверить, что все получилось вот так, я целый месяц бился над разгадкой этого дела, чтобы в конце концов узнать, что лорда убила... стихия.

– Стихия? – переспросил я.

– Ну да. Вы же помните, какая была непогода в ту ночь...

– Да, буря так и бушевала, я уже боялся, что дом снесет ветром...

– ...вот видите. Вот и получается, что старого лорда убила стихия.

Я смотрел на дворецкого, и все еще отказывался верить ему – несмотря на явные доказательства в виде обложки книги. Что-то не сходилось, что-то, что-то...

– Ну да.

– Конечно же.

– Послушайте... а как вы объясните, что старый лорд был застрелен?

– Ну... а что в этом такого?

– Как что такого? Не понимаете? Как стихия могла застрелить лорда?

– Ну... – дворецкий нахмурился, – например, пистолет висел на стене, порыв ветра ворвался в комнату и...

– ...да вы хоть понимаете, что это невозможно?

Дворецкий насторожился: он все еще боялся, что я подозреваю его в убийстве старого лорда.

– И... и почему же, по-вашему, умер хозяин?

– Кто-то убил его... и выдал убийство за разгул стихии...

– Но кто?

– А кто написал на обложке – роман-катастрофа?

– М-м-м... автор?

– Ну что вы, автор бы заставил кого-нибудь из нас убить старого лорда...

– Но тогда кто?

Я задумался:

– Кто-то написал на книге – роман-катастрофа... редактор... корректор... наборщик...

Мы должны это узнать...

На всякий случай я снял с пистолета в кабинете отпечатки пальцев – точно зная, что в нашем мире нет никого с такими отпечатками...

Неувиденное завтра

– А мы завтра увидимся?
Она прижимается к нему всем телом крепко-крепко.
Он прикидывает. Думает.
– Увидимся.
– А послезавтра?
Он хмурится.
– А послезавтра уже нет.
– А что так?
Он снова хмурится, не хочет говорить.
– А так.

Послезавтра.
Поезд уносится на юг, на север, на запад, на восток, нужно подчеркнуть.

Послезавтра.
Самолет взлетает в серое осеннее небо.

Послезавтра.
Гудок парохода.
Она стоит у причала.

Послезавтра.
Он стоит на перроне, смотрит вслед уходящему поезду.

Послезавтра.
Ракета поднимается к звездам.

Послезавтра.
Люди выстраиваются в очередь перед пунктом приема, вынимают глаза, складывают на поднос. Динамики орут над городом, напоминают, что глаза нужно сдать до полуночи, иначе вас ждет смертная казнь.
Дирижабли парят над городом, ищут непокорных.

Послезавтра.
Последняя звезда гаснет, мир погружается в вечную тьму.

Послезавтра.
Шальная пуля пробивает его навывлет.

Послезавтра.
Он просыпается, отчаянно пытается вспомнить вчерашний день, не может.

Он лавирует между реальностями, ускользая от тех миров, где его ждет неминуемая гибель.
Ищет.
Не находит.

– Угадай, кто?

Он смотрит на неё, не верит, не понимает, откуда она здесь, почему она здесь, почему они видят друг друга.

Видят.

Друг друга.

Послезавтра.

– У меня получилось, – она хлопает в ладоши, – получилось!

Он хочет спросить, как она склеила две реальности, – не спрашивает.

Замок в замке на замке

Кэтти спешит по замку, по извилистым коридорам, по причудливым комнатам, по которым сколько раз пройдешь, столько раз изумляешься, до чего только не додумаются архитекторы; по анфиладам, уводящим, кажется, в бесконечность, и часовые в дверях услужливо расступаются перед Кэтти. Кэтти в отчаянии, ну еще бы ей не быть в отчаянии, ведь это не её замок больше, не её, не её, не её. Проклятый старый лорд, проклятая Бетти, зачем он хочет продать ей замок, зачем Бетти замок, ей и без замка хорошо, а вот Кэтти замок очень нужен, куда Кэтти без замка.

Здравствуйте. Да, проходите, пожалуйста. Проходите, здесь безопасно, стрелять еще с вечера перестали. Вы покупатель? Очень хорошо, каждому дому нужен хозяин, правда ведь? Вот здесь у нас прихожая, здесь еще вчера располагалась последняя ставка Императора Роз, а наутро он ушел на север, в дальние комнаты, и больше его никто никогда не увидит, никто и никогда. Можете повесить сюда шляпу, теперь вы властелин этих комнат, и ваша шляпа будет висеть на алтаре. На алтаре... Элизабет смотрит на алтарь, там уже никого и ничего нет, давным-давно ничего нет.

Ну ничего, Кэтти им еще покажет... кому им... Да им всем, Кэтти, она же... она же Кэтти... В замке собираются воины, устраиваются на ночлег в большом зале, отсюда удобно обстреливать анфилады, если в них покажется враг. А молодой полководец еще велит поставить часовых на балюстрадах, так, на всякий случай: полководец молодой, а дело свое знает.

Нет, это не замок, в котором Кэтти, это совсем другой замок, совершенно другой. Этот замок построен совершенно в другую эпоху и в совершенно другой стране, и даже на другой планете, а на какой, замок и сам не знает, да что он может знать, он же замок. Воины останавливаются на ночлег, ждут, что в темноте из анфилад покажутся чужие под чужими флагами и с чужими эполетами на доспехах. Армия ждет чужих – уже отданы последние распоряжения переводчикам, дипломатам, и всем, всем, всем. Все отчаянно пытаются представить себе, как будут выглядеть чужие, что они будут говорить, как с ними вообще разговаривать. А можно нарисовать им квадрат и показать, что все его стороны равны, а можно еще про треугольник с гипотенузами и катетами рассказать, а можно еще два плюс два.

Дипломаты в замке ждут. Нет, это не тот замок, и не другой замок, это совсем-совсем третий замок, он будет построен через миллиарды лет в другом конце вселенной уже в те времена, когда звезды погаснут. Ну, ничего, Кэтти им всем еще покажет, так покажет, мало не покажется.

Элизабет идет через комнаты к дальней двери, останавливается, чтобы полюбоваться на старинные полотна продаются вместе с домом, да, вы можете их приобрести. Вот на этом полотне вы можете увидеть самого себя, покупающего дом. А вот здесь мы видим Властителя Звезд, таким он был, когда отправился в свой последний поход на запад – безумец твердо решил достичь края дома. Кто-то полагает, ему это удалось, но большинство сходится во мнении – у замка нет конца и края. У замка нет конца и края, думала Элизабет, поднимаясь по лестнице. Поднимаясь по лестнице, будьте осторожны, здесь покосилась ступенька, ну еще бы ей не покоситься, слишком много ей приходится на себе тянуть, в тринадцатом веке на ней сражались тамплиеры, уже никто не помнит, с кем, а в девятнадцатом веке старая графиня столкнула с этой ступеньки свою молодую соперницу, а в бесконечно далеком прошлом молодой жрец замирал на этой ступени, распевая священные песни и разжигая жертвенный огонь... Огонь? Да, конечно же, прямо сейчас можно разжечь камин, тут много каминов, в гостиной, в большом зале, в спальне... В спальне когда-то жила Королева Ключей, но уже никто не помнит, когда.

Кэтти приглашает старого лорда в большой зал, и Бэтти тоже приглашает в большой зал. Пусть послушают, как Кэтти играет на фортепьяно, у Кэтти это хорошо получается, старый лорд любит слушать. Только бы Бэтти не стала петь, ужасно Бэтти поет, как овца блеет.

И вот Кэтти садится у окна, отсюда анфилады не видны. А старый лорд с Бэтти садится на диванчике в нише у камина, там тепло, там уютно, правда, чуток потягивает сквозняком из анфилад, вон они все видны. А из дальней анфилады показываются чужие, их совсем не так себе представляли, а они вот какие. Вот чужой подходит и блестящий камень преподносит, ну, наверное, у них так принято. Это уже в другом замке, совсем в другом. А из анфилады начинают стрелять из темноты, и молодой полководец приказывает – загасить факелы, чтобы враги не видели, куда палить, только это не поможет, потому что враги видят в темноте.

Но молодой полководец про то еще не знает. Кэтти зря, что ли, посадила старого лорда с Бэтти напротив анфилад, откуда летят стрелы, только это не в этом замке летят стрелы. Стремительная стрела проносится мимо Бетти, Бетти визжит, стрела вонзается в одного из нас. Мы смотрим на убитого, мы не верим себе, как, почему, мы не ожидали, что чужие придут убивать, а вот пришли убивать. И старый адмирал, который еще помнит, как горели звезды, командует – пли.

Две последние во вселенной империи уничтожат друг друга дотла.

Армагеддон.

Здесь, в коридоре, проходящие волей-неволей прижимаются к стене, чтобы пропустить бесконечные вереницы людей, проходящих здесь в разные времена начиная со строительства первых стен тогда еще маленькой крепости и заканчивая бесконечно далеким будущим, когда преемники человечества соберутся здесь на последнюю битву – Армагеддон. Это случится здесь в зале столовой возле каминной решетки на две мраморные плиты правее входа. Элизабет отступает к стене, смотрит на бесконечные ряды проходящих мимо воинов, молодой солдат с интересом косится на Элизабет, но не встретиться, не встретиться, не встретиться, слишком много тысячелетий между ними.

Кэтти не понимает, Кэтти недоуменно смотрит на следователя, какая стрела, откуда стрела, почему стрела, не видела Кэтти никакой стрелы, и старый лорд с Бетти не мог видеть никакой стрелы просто потому, что не было никакой стрелы, откуда тут взяться стреле. Ну да, там, в другом замке стрелы летели, так тот замок тысячу лет назад был разрушен, и вообще он не здесь, он на другой планете, а на какой – замок и сам не знает, он замок, что он может знать. И вообще, никто не умер, все живы-здоровы, что не так?

Армагеддон? Вы о чем, уважаемый следователь, какой Армагеддон, когда Армагеддон, ну мало ли что там будет через миллиарды лет, Кэтти про миллиарды лет ничего не знает. И следователь ничего не может сделать, ничегошеньки-ничего, и уходит ни с чем, и знает, что через неделю его вызовут снова, потому что кто-то зарубит мечом старого лорда, да кто бы это мог быть, в замке и мечей-то нет, так, бутафория одна. А еще через пару дней кто-то размозжит Бетти голову палицей, вот ужас-то. Бетти в библиотеку вышла, Кэтти её просила какой-то готический роман принести, а тут на тебе – голову палицей. Да в замке и палиц-то нет, всё обыскали, не нашли. . .

А вот здесь у нас столовая, а чуть подальше – кухня, вот уже приготовлена еда. . . На кухне приготовлена еда, Элизабет ужинает, думает про себя, кто здесь готовит еду, откуда она вообще берется – тут же гонит от себя эти мысли, что она, маленькая, что ли, такие вопросы задавать. Еды осталось на неделю, а дальше неизвестно, что будет, наша башня в осаде – так говорит старый полководец, и воины понимают – башня в осаде, если не вырвемся за неделю, неизвестно, что будет дальше. Дальше? Дальше у нас анфилада, а там еще комнаты. Нет, за один день вы замок не обойдете, вам придется остановиться на ночлег. Элизабет останавливается на ночлег в спальне с пурпурными гардинами, делает крюк возле кровати, чтобы не столкнуться с безы-

мянной камеристкой, которая заколола ножом свою хозяйку, принцессу королевства, которого никогда не было.

Следователь замирает на пороге, смотрит куда-то в никуда, милая барышня, а можно вас попросить, я свои перчатки в столовой оставил. Да как так, вы в столовой и не были, да нет же, был, посмотрите, если вас, конечно, не затруднит... Снежинки на пальто следователя, снег в лучах фонарей, Кэтти поднимается по маленькой лестнице в кухню, вспыхивает, испепеленная дотла неведомым оружием будущего. Была Кэтти, и нет, только батистовый платок на каминной решетке, дали объявление, разыскивается, до сих пор ищут. Следователь успокаивает взволнованного лорда, найдется ваша дочь, а сам смотрит на каминную решетку, две мраморные плитки от лестницы вправо...

Наутро Элизабет снова пойдет по коридорам, по бесконечным анфиладам, по лестницам, уводящим в никуда – в поисках хоть кого-нибудь, не может быть, чтобы она была совершенно одна в этом бесконечном замке, который запутался сам в себе. Время разливается на два потока, чтобы пропустить вверх по лестнице диких кочевников, ворвавшихся в замок тысячу лет назад и последнего человека на земле, который пройдет здесь через три тысячи лет. Вы останавливаетесь на пороге спальни, вы отчаянно пытаетесь вспомнить свое имя, – кажется, Элизабет, она вспоминает, как попала сюда, кажется, покупала дом, или нет, когда это было, три тысячи лет назад или позавчера, или будет через века... Элизабет идет по бесконечным анфиладам – не может быть, чтобы она была здесь совсем одна...

Старый лорд довольно смотрит, как двери закрываются за Бетти – замок принял очередную жертву. А вы проходите, проходите. Вы по объявлению? Да-да, пожалуйста, каждому дому нужен хозяин, не так ли? Вт здесь у нас прихожая, вы не смотрите, что ничего нет, через тысячу лет её построят. А вот тут гостиная, вы не смотрите на руины, это сейчас руины, а две тысячи лет назад тут был просторный зал, а вот тут хотели построить башню со спальней, в которой триста лет спустя могли бы задушить герцогиню – но башню так и не построили, а герцогиня даже не родилась в этой реальности...

Аниф

Дорога, чуть подернутая дождем.

Осень.

Старенький экипаж поскрипывает рессорами, замирает на повороте дороги – единственный фонарь освещает путь.

Ждет.

Смотрит на окна маленького замка на берегу озера.

Идут минуты. Из замка никто не выходит. Никто.

Экипаж начинает волноваться, экипаж покачивает фонарем, звонит в колокольчик.

Ничего не происходит.

Экипаж начинает сердиться, недовольно смотрит на часы, уже подумывает, что нечего тут ждать, ехать пора.

Башенка замка вздрагивает.

Еще.

Еще.

Замок весь накреняется, будто хочет развалиться – нет, не разваливается, движется в сторону экипажа, шаг, шаг, шаг, по мостику, выбирается на берег, смущенно кланяется.

Садится в экипаж, который покачивается под его тяжестью.

Повозка трогается с места, катится по дороге в туман осени.

Накрапывает дождь.

Рябь на воде.

С веток облетают сны и чьи-то мечты.

– Аниф, ваше благородие.

Нет, не так.

А вот так:

– Аниф, к вашим услугам.

И тоже не так.

– А... а как. А черт его пойми, как...

– Аниф, к вашим... благородиям.

Ай, глупый, глупый Аниф, всё-всё перепутал. Аниф только в столицу пускать. Сидел бы Аниф в своем Зальцбурге на радость туристам, всё бы хорошо было, а тут нате вам, понесла его в столицу нелегкая...

Ну, на счастье Анифа никто и не услышал ничего. Да кто его слушать будет, эка невидаль – Аниф.

Что?

Какой Аниф?

Ну, хоть вы на него посмотрели. Да замок Аниф, стоит в Зальцбурге на озере туристам на радость, а тут вот решил мир повидать...

И Хофбург оборачивается.

Хофбург, это дворец такой в Вене.

– Что вы сказали?

Ну, хоть Хофбург Аниф слышал, и то хорошо.

– Аниф... к вашим услу...

Ай, Аниф, Аниф, глупый Аниф, опять запутался, опять не то сказал.

– Аниф?

– Ну да... з-замок. Из З-зальцбурга.

– И... что вы хотите?

– Я... по объявлению.

Хофбург думает, что за объявление, почему объявление, а, ну да, объявление, Хофбургу помощник требовался. Только Хофбургу бы поближе какой помощник, кто ж знал, что из самого Зальцбурга приедет какой-то... как его там, бишь? Афанасий? Ананас? А... Придумали имячко – Аниф...

Ну да ладно, Аниф так Аниф, посмотрит Хофбург, что там за Аниф, пусть у Хофбурга на посылках будет, а то Хофбургу самому несолидно туда-сюда ездить.

Хофбург все-таки.

– Я есть.

Это он так себе говорит:

– Я есть.

Нет, не говорит.

Думает.

Я есть.

Оглядывается холмы вокруг. Каким-то непонятым чутьем понимает, что есть он, и есть холмы, и что он и холмы – это разные вещи.

Он смотрит.

Думает.

Он думает, что вот это движется с востока на запад, всё время меняется, а вот это по сторонам стоит неподвижно.

Память, которой нет, сама подсказывает слова:

Река.

Берега.

Он делает шаг.

– Это... это ужасно...

– Успокойтесь, друг мой.

– Это... чудовищно...

Успокойтесь, умоляю вас... расскажите все по порядку...

Хофбург усаживает гостя в кресло, подбрасывает дров в камин.

Аниф подает кофе – Аниф сошка мелкая, его дел кофе подавать. Аниф осторожно смотрит на гостя, что за гость, важный гость, целый собор в гости пожаловал, о двух башнях, а окна-то какие, а потолки, а лестница витая, а статуи на соборе...

Собор замечает Анифа, вежливо кланяется:

– Будем знакомы, мой друг. Стефан.

– А-аниф, очень приятно...

Собор Святого Стефана потихоньку успокаивается, прихлебывает кофе.

– Что же с вами случилось, мой дорогой гость?

Это Хофбург.

– Это ужасно... ужасно... друг мой, вы, должно быть, скажете, что виной всему мое болезненное воображение, что мне нужно отдохнуть, развеяться...

– ...да ты и вправду не щадишь себя, трудишься в поте лица... да и туристы не дают покоя...

– Ты прав, друг мой, но тут другое... вчера ночью мне не спалось, знаешь, так бывает в полнолуние... я уже хотел встать и выпить чаю, когда увидел на стене его тень...

– Да чью же? Чью?

– Ты скажешь, что это бред... а чуть погодя я увидел его самого... он прошел по площади и скрылся у метро.

– Да кто же? Кто?

– Мне показалось... это был Кенигсбергский замок.

– Нет-нет, подожди, этого не может быть... Кенигсбергский замок стоит в Кенигсберге, а...

– ...понимаю, понимаю, друг мой... но я видел его... вернее... как бы это сказать... его тень... дух... призрак...

– Призрак?

Собор Святого Стефана хмурится:

– Да... мне показалось, что так.

– Гхм... сдается мне, с замком что-то случилось, и он прислал нам сигнал о помощи.

– Не смешите меня... что может случиться с замком?

– Мало ли... войны...

– Друг мой, уже больше полувека мы не знаем никаких войн в этих краях!

– Гхм... ну... может, фундамент осел...

– И для этого он будет звать на помощь?

Хофбург не согласен:

– Мой дорогой гость, если вам явился призрак замка, значит, с замком что-то случилось.

И мы должны узнать, что именно.

– Вы что... хотите отправиться в Кенигсберг?

– Ну... я довольно стар для этого...

– Да и я уже немолод...

Хофбург спохватывается, смотрит на Аниф, скромно сидящий в углу.

– Послушай, парень... ты кажешься смышленным...

– К вашим услугам, мой господин.

– ...и легким на подъем. Отправляйся-ка в Кенигсберг, да разберись, что там случилось.

12 октября. Прибыл в экипаже в Кенигсберг – я смотрю на город, я перевожу взгляд на город – я не узнаю города. Должно быть, я попал куда-то не туда, попросту заблудился.

13 октября. Я видел мертвый замок. Раньше мне никогда не доводилось видеть мертвые замки, я даже полагал, что такое может случиться только в страшном готическом романе – но никак не на самом деле. Я принес к мертвому замку полевых цветов и долго смотрел на руины того, что когда-то было пристанищем рыцарей.

14 октября. Отправил весточку домой. Жду сообщений от Хофбурга.

15 октября. Еще один мертвый замок. Здесь что-то случилось, но я не могу понять – что.

16 октября. Мертвые дома. Нет, не убитые – изначально мертвые, дома, в которых нет души. Пробовал заговорить с ними – они не отвечают, они не понимают меня.

17 октября. Потихоньку приближаюсь к холму, где должен быть Кенигсбергский замок – я его не вижу...

18 октября. До сих пор не могу прийти в себя от пережитого шока, до сих пор не могу понять, что я видел. Это... это ужасно. Я надеялся, что он не заметит меня, но он увидел, увидел, он... он двинулся на меня... Если бы я не убежал, он бы растерзал меня на куски...

19 октября. Отправил весточку в Вену. Чувствую, что там меня примут за сумасшедшего.

Аниф думает.

Это смерть, думает Аниф.

Он еще сам не понимает, как это получилось, почему так, шел по мостику, который подломился, почему завис между небом и землей над рекой, почему, почему, почему... Упадет, разобьется на мелкие кусочки, был замок Аниф, и не будет замка Аниф. И никто и не вспомнит, эка невидаль – замок Аниф, вот так спроси у кого – замок Аниф – люди только руками разведут, что за Аниф, откуда Аниф, почему Аниф, не знаем такого.

Замок Аниф подтягивается на башенках, пытается подняться – тщетно, тщетно.

Плещется река в темноте ночи, падают в реку камни замка, уносятся в море.

Мертвая тишина.

Скрежет.

Грохот.

С холма поднимается исполинское нечто, так ужаснувшее Аниф, движется в сторону упавшего замка.

– Это ужасно... ужасно!

Это Собор Святого Стефана. Перечитывает весточку от Анифа.

– Чудовищно – кивает Хофбург.

– Похоже, что это чудовище... уничтожит все города...

– Похоже на то.

– Мы должны пресечь это...

Хофбург кивает:

– Должны.

Хофбург трубит сбор. Это ему раз плюнуть, это ему не привыкать – трубить сбор. Всем, всем, всем замкам, всем собраться на бой.

Исполинская громадина нависает над Анифом, хватает замок Аниф...

...ставит на берег.

– Вы осторожнее...

– А?

– Вы поосторожнее... мост-то гнилой совсем.

– С-спасибо...

– Да не за что... а вы... – исполинское чудовище нависает над Анифом, – а вы замок, да?

– 3-замок.

– Настоящий замок?

Замки собираются со всего мира, пришел Лувр, и Версаль пришел, и английский Парламент, правда, долго думал, идти или нет, и Собор Святого Павла пришел, и много еще кто.

Взяли мечи.

Копья.

Стрелы.

Пращи.

Там, говорят, в далеком городе Кенигсберге чудовище завелось, замки рушит. Даже фотокарточку чудовища показали, только не поверил никто – не может быть таких чудовищ...

– ...а еще какие замки тут были?

Аниф вспоминает:

– А тут Шаакен был.

Дом спрашивает:

– А почему был?

Аниф молчит, Аниф не знает, что ответить.

Замки идут на битву с чудищем...

– А что здесь было? – спрашивает Аниф.

Дом не знает.

– А почему так было? – спрашивает Аниф.

Дом снова не знает. Дом он что, он Дом, куда ему в дела людей соваться...

– Ну, посоветуйте, как быть, вы же Дом Советов...

Дом Советов думает. И все верно, он же Дом Советов, значит, советы давать должен, логично же, только что он тут может посоветовать...

Лязг оружия.

Там.

Вдалеке.

Замки.

Много замков.

Тоже там, вдалеке.

Дом радуется, Дом спешит к замкам, замки же.

Замки видят чудовище.

Взмахивают мечами.

Пускают стрелы.

Дом отбивается от стрел, Дом атакует замки, разбрасывает налетевшие на него старинные домики, не пройдет враг, не тронет нашу землю. Замки набрасываются на чудище, пожравшее королевский дворец, – зря они, что ли, все века сражались с драконами. Дом отбрасывает врагов – перед ним они кажутся крохотными. Замки окружают чудо... нет, не чудовище, какое чудовище, это же Дом Советов, это они чудовища, супостаты проклятые...

Аниф мечется в калейдоскопе битвы, кричит что-то, вы постоитте, постоитте, он ни в чем не виноват, он же... вы же... он же... Аниф не знает, Аниф не понимает, что тут случилось, Аниф...

Враждующие замирают.

Нет, не из-за Анифа, нет, нет, что им Аниф, какой вообще Аниф, что они, Анифа не видели...

Тут другое.

Замерли.

Думают.

Кто победит.

Кто-то, кто-то, да что тут гадать, на чьей стороне автор, тот и победит.

А если наоборот, погибнет? Бывает же такое, автор за героя горой, а герой погибает.

Тогда... по-другому, но тоже выигрывает.

А здесь непонятное что-то, то за одного, то за других автор, черт пойми...

И только сейчас Аниф понимает.

А может быть, чтобы два автора в разных местах про одно и то же писали?

Все замирают.

Думают.

Понимают.

Может.

Отступают – как-то само собой получается, что никто-никто не победит.

Смотрят на Дом Советов.

Он же Дом Советов все-таки, может же что-то посоветовать.

Вот он и советует:

– А замок отстроить надо.

Вот тут и закипела работа, так закипела, что не в сказке сказать, не пером описать. Собор Святого Стефана выискивает старые эскизы, Дом Советов таскает камни, Хофбург кует решетки на окна, Аниф стекла вставляет, Дом Советов подключает процессоры, шестеренки, датчики, а вот квантовый процессор днем с огнем не сыщешь, это по интернету заказывать надо...

Аниф смотрит.

Не понимает:

– Постойте-постойте... как же вы это сделали?

Дом Советов разводит руками:

– Ну... а как мы с вами ходим? Говорим? Мыслим? Должен же у нас быть какой-то механизм?

– Ну... да... – Аниф восхищенно смотрит на Дом Советов, – это вы ловко придумали.

– Что вы, это не я, это наш автор.

– Который?

– М-м-м-м... даже не знаю.

Аниф присматривается к отстроенному замку, к хитросплетению шестеренок...

Присматривается...

...понимает.

– Они... они не могли этого написать.

– Отчего же?

Смотрите... здесь все действует. Это не просто шестеренки, датчики всякие... это действует.

– Ну, конечно, это же...

– ...да как вы не понимаете, это не может действовать, не может!

Хофбург хмурится:

– Почему... не может?

– Очень просто... вы сами подумайте, откуда авторам знать такие подробности? У них что, живые замки по улицам разгуливают?

– Н-нет.

– Вот именно! И что это значит?

– А что это значит?

– А это значит, что про механизм писал кто-то третий... Кто-то, кто живет в тех временах... где дома умеют ходить.

– И когда, по-вашему, были эти времена?

– Не были, а будут. А вот когда, я не знаю...

Замки замерли.

Смотрят в пустоту.

Ищут автора.

Юмн на крыльце

Юмн сидит на крыльце, залитом рассветным солнцем. Сегодня лето, первый раз в этом году – лето, Шуа бежит навстречу солнцу, хочет солнце поймать. Юмн Шуа объяснял, что нельзя солнце поймать, Шуа не верит, ловит. Ничего, Юмн им еще всем покажет, кому им, да им всем, которые сказали – вы нам не подходите, да кто они такие, чтобы решать, кто подходит, кто не подходит, это Юмн будет решать, кто подходит, кто нет. Юмн сидит на крыльце, ну, это мы уже говорили, накрапывает дождичек, мелкий, мерзкий, осенний, солнца нет, солнце ушло, солнце кто-то поймал, списки на поступление, а Юмна там нет, нет, почему нет, как они посмели без Юмна-то... Юмн курит на крыльце, перерыв двадцать минут, а потом снова в зал, там люди будут задавать вопросы, они не верят Юмну, да как тут можно верить, выискался какой-то, говорит, умеет управлять временем. И завтра начнется, напишут во всех газетах, изобрел машину времени, да не изобрел, и не машину времени никакую, тут же совсем другое дело, совсем-совсем, сколько можно вам объяснять... Шуа не догоняет солнце, возвращается, бабушка выносит на веранду клубничный пирог, Шуа ест, и Юмн ест, кроваво-красное клубничное месиво стекает по подбородку, челюсти сводит болью, снова стреляют, Юмн падает на ступеньки крыльца, чтобы не убили, кто-то из охранников отталкивает Юмна, а завтра в газетах будет, покушение на властелина времени, и начнется, а если он временем управляет, почему не предвидел, что в него стрелять будут, почему не предотвратил... Значит, неправда всё, и ничего он временем не управляет. Да как неправда, если на земле уже не пойми что творится, время сходит с ума. Вот это тоже будет во всех газетах – время сходит с ума. А Юмн сидит на крыльце, спрашивает себя, как он сюда попал, а, ну да, вы нам не подходите, ну ничего, он им всем еще покажет, хотя нет, это уже было, было уже, тогда что же, а, ну да, лето первый раз в этом году, и Шуа догоняет солнце, и не может догнать... или нет, нет, это тоже уже было, было уже, глупый, глупый Юмн, все-то он перепутал, в него же стреляли, или нет, это когда было... Исследователи выходят к Юмну, несут клубничный пирог, нет, не такой пирог, у бабушки совсем не такой был, и вообще все не так, где лето, куда лето подевали, и солнце, солнце где. А солнца нет, говорят, погасло три века назад, говорят, вот, от реакторов подзаряжаемся. Юмн хочет спросить – а где Шуа, не спрашивает, уже понимает – никакой Шуа не будет. а как это у вас получается – спрашивают исследователи, что получается, а вот, как вы это со временем, умели же как-то, а теперь никто не умеет, не знают, как это делается. А вы расскажите нам, как это вы делали, нам интересно. Исследователи похожи на осклизлых амёб, с интересом и брезгливостью смотрят на Юмна. Юмн спрашивает, где люди – его не понимают, где люди, какие люди, откуда люди, зачем люди, почему люди. Люди задают вопросы, люди не верят, и как вы собираетесь управлять временем, а вы не боитесь, что это приведет к глобальной катастрофе. Ну, знаете, люди всегда склонны преувеличивать риски... Юмн сидит на крыльце, Шуа бежит, догоняет солнце, Юмн даже не поправляет её, не говорит, что солнце не догнать...

Артефакт

Бэтти читает:

Артефакт.

Бэтти умная, Бэтти знает, что такое артефакт. Бетти школу кончила и в колледж поступила, теперь еще умнее будет.

Вот Бетти и читает:

Артефакт.

А Бетти знает, артефакт – это когда важное что-то, штука какая-то важная.

А потом Бетти читает:

Последнее, что осталось от некогда величайшей цивилизации.

(Зря, что ли, читать училась)

Это Бетти на обложке книги читает.

А про что книга?

Про Бетти.

Вот Бетти про себя и читает.

Люди отправляются на поиски бесценного артефакта – но смогут ли они его найти?

Смогут. Бетти знает – смогут. Просто, потому что... ну, потому что не может быть иначе, ну что это за книга такая, в которой люди ходят-ходят, ищут-ищут, а что искали, так и не нашли.

Так что найдут.

Обязательно.

Вернее, что значит – найдут? Не найдут, а Бетти найдет, зря, что ли, Бетти, Бетти же, то другие какие-то люди, а то – Бетти.

Бетти найдет.

Даром, что автор уже ничегошеньки-ничего не напишет: умер автор, позавчера умер, Бетти даже на похоронах его не была, да как она на похоронах-то будет, Бетти же не существует, автор про Бетти даже написать не успел.

Бетти нет.

А Бетти... есть.

Если Бетти, неживая, ненастоящая, а есть, вот она поправляет волосы цвета... Бетти не знает, какого цвета у неё волосы, автор не придумал, ну ничего, Бетти себе волосы цвета воронова крыла придумала, и нос с горбинкой. И много еще чего.

Одинокий путник бредет по заснеженной пустыне.

Это не здесь, не тут, где Бетти, это за тысячи километров отсюда и вообще незнамо где. Кажется, всего-ничего, рукой подать, соседний абзац – а на самом деле бесконечно далеко, три года скачи, не доскачешь.

Путник идет по далеким заснеженным краям. Силы оставляют его, но он продолжает идти, спотыкаясь о снег. Далеко впереди в метели показывается что-то темное – нет, показалось, нет, померещилось – тут же исчезает. Странник падает на колени в снег, переводит дух, считает до десяти – заставляет себя встать, ловит ногами норовящую убежать опору.

Нет. Не показалось. Так и есть, впереди маячит исполинская пирамида, кажется, уходящая острием в самое небо.

Пирамида ждет странника.

Странник сжимает причудливый амулет в побелевшей от холода руке.

Бетти найдет артефакт. Бетти знает – найдет. Просто потому что... потому что Бетти. Бетти смотрит на исполинскую пирамиду через несколько страниц, на расположение звезд, высчитывает.

Бетти умная.
Бетти звезды знает.
Считать умеет.
Вот и высчитывает.

Смотрит на карту, чертит по карте, вон она, пирамида, в далекой северной стране. Бетти билеты на самолет покупает, Бетти умная, зря, что ли... ну да, это мы уже говорили.

Бэтти чемодан собирает, Бэтти умная, что попало в чемодан не кладет, только то, что пригодится в дальней дороге. Хочет с собой ноут взять, – тут же передумывает, большой ноут, громоздкий, лучше Бетти телефон возьмет. Родителям написала, что за артефактом едет, такси вызвала.

Вот так всё просто.

Даже подозрительно просто. За Бетти спецслужбы какие-нибудь должны гоняться, Бетти сейчас по пожарной лестнице из своего дома выбираться будет, а за её такси погоня начнется с перестрелками, а тут – ни-че-го. И таксист хороший попался, вежливый, даже особо не спрашивал, куда Бетти едет, ну, Бетти ему соврала на всякий случай, что к подруге. Ну и к таксисту к этому присмотреться надо, а то мало ли.

А вот, начинается. В самолете на месте Бетти кто-то другой сидит. Тут же спохватывается, вскакивает, ой, извините, а я на билет свой смотрю, а там девять, а это шесть... Парень отсаживается, Бетти смотрит на свободное место рядом с ним...

Закладывает уши.

Сжимает виски больно-больно.

Бетти отстегивает ремень, перебирается на кресло впереди. А тут свободно, ага, а можно сесть, да, да, конечно, а вы куда летите, а вы... Бетти, Бетти, зачем она все это рассказывает, мало ли что за человек. А Бетти уже знает, что за человек, он будет помогать Бетти, он её напарником будет...

Странник сжимает в руке амулет, ищет что-то в снегах, не находит...

Бетти выходит по трапу, Эрни её под руку ведет, ловко так проводит сквозь толпу, и на скамеечку, а я сейчас, а я только такси закажу. Бетти ждет.

Странник ждет.

Ничего не происходит.

Бетти уже понимает, не будет никакого Эрни, никакого такси, хочет сама вызвать такси, сует руку за пазуху – тут же спохватывается, нет телефона, украли, украли, глупая, глупая Бетти.

Ну да ничего.

Без приключений ведь и книжки быть не может, так же?

Бэтти спешит к пирамиде.

И странник спешит к пирамиде.

Между ними тысячи лет.

Бетти ищет.

Не находит.

Вопросительно смотрит на странника на соседней странице.

Странник ищет.

Не находит.

Вопросительно смотрит на Бетти.

Бетти не понимает, почему на неё смотрят, почему, почему, что она должна, что...

...книга закрывается.

Странник сжимает голову в ладонях, осуждающе смотрит на Бетти, не успела, не успела, не успела...

Бетти не понимает, что не успела, зачем, почему...

Спохватывается.

Последнее, что осталось от некогда величайшей цивилизации.

От некогда великой...

Бетти ищет ноут – нет ноута, дома оставила, а телефон, и телефона нет, украли, а если еще у кого-то телефон попросить, а не у кого, а все уже, книжка-то кончилась, поздно уже. странник смотрит, странник ищет – не находит, Бетти, глупая Бетти, что ты наделала...

Поток времени

– Виноват.

Илу опускает голову. Тут лучше самому признаться, что виноват. Может, помилуют. Если повезет.

– Когда ты снялся со стоянки? – вопрошает наставник.

Илу опускает голову еще ниже. Он видел, так один парень делал, который золотой браслет украл. Только тут не браслет, тут пострашнее дело будет...

– Вечером.

– Вечером, это во сколько?

– В... шесть.

– Не ври!

– Илу смущен. Сам знает, врать нехорошо, а то хуже будет.

– В семь.

– То есть, когда зло уже пришло?

Илу опускает голову еще ниже, вот-вот голова отвалится.

– Да.

– За такое знаешь, чего полагается?

– Илу не знает. Но догадывается. Слушает приговор.

– ...варивается... к смертной казни.

Илу думает, что ослышался. Ошибка какая-то. Припугнуть хотят, не иначе, чтобы неповадно было...

А как припугнуть, как с такими иначе, с отступниками, которые со стоянки не вовремя снимаются. Эдак один не вовремя со стоянки снимется, другой не вовремя, и пошло-поехало. Эдак вообще никто странствовать не будет, а правда что, а на кой черт нужно, вообще люди память предков забудут, богов забудут, то, темное забудут, что ночами приходит...

– На костер!

И снова ёкает сердце. Нет, это уже лишку дали, на костер... вон, в соседнем племени кто с места не вовремя сдвинулся, кто дотемна на стоянке замешкался, голову срубят, и все тут, а тут на тебе... на костер... Нет, Илу и сам знает, много кого на костре сжигать надобно, хоть этих, еретиков, которые спрашивают, почему надо за солнцем идти, от ночи уходить. Что непонятно-то, солнце – бог наш, свет дающий, а ночь жизнь отнимает, вот и надобно идти от тьмы к свету...

Это Илу про еретиков. Только у Илу ереси и в мыслях не было, ну замешкался, замотался, а как не замотаешься, сын маленький заболел, пока собрались, пока туда, пока сюда, вот и стемнело...

Хорошо еще, виноватого одного Илу наказывают, а то бы и всю семью Илу туда же... Так что у нас в племени еще жить можно, это вон, там, у нерсей чего придумали, один дотемна замешкается, всю семью его вырежут...

На костер...

Вяжут руки Илу, Илу еще не верит себе, нет, нет, быть не может, это так, припугнуть...

На костер...

Жены Илу бросаются к мужу, тащат их назад стражники...

– Скажите, как вам пришла в голову мысль первыми встретить новое тысячелетие?

– Ну... мы с мужем всю жизнь увлекались самолетами... Я в летное училище два раза поступала... два раза не поступила... Пошла в клуб авиационный, благо, папа наследство хоро-

шее оставил... он бы знал, на что наследство трачу, он бы у меня его отобрал ко всем чертям... Вот, там, в клубе, с Жаном и познакомилась... он инструктором моим был, научил всему...

– Любовь с первого взгляда?

– Да нет... ну, то есть, у Жана, может, и с первого взгляда, а у меня не со второго и даже не с третьего. А потом в бурю попали... страшно так... у нас еще самолетик маленький был, боинг бизнес джет, я думала все, хана...

Смущенно смеется.

– Я сама не поняла, как Жан из шторма выбрался... вырулил... помню, я его на земле как дура целовала... обнимала... он там и сказал такой, Элла, будь моей женой... я вообще не понимаю, что он говорит, слезы по щекам, киваю, да, да...

– Где планировали свадьбу?

– Ну вот, со свадьбы все и началось... мы сначала хотели скромненько, на квартирке к Жана, или как-нибудь экстремальненько... над Эверестом пролететь или еще что... А тут вот этот подходит, как его, милый... милый...

– Миллениум.

– Ну вот... этот самый. Вот Жан и предложил, а давай первыми на планете встретим новый год... над Тихим океаном...

– Волнуетесь?

– Ну да, знаете... тревожно как-то... Да я, знаете, не за полет боюсь... мы с Жаном не первый день летаем... я вот за дальнейшую нашу жизнь волнуюсь, как оно сложится... а то, знаете, до тридцати лет привыкла все для себя да для себя... а тут надо про любимого человека думать...

– Желаем вам удачи.

– Ой, спасибо большое...

– День добрый.

Дюреаль смотрит на незваного гостя, чувствует, что встреча не предвещает ничего хорошего. Вот бывает так, вошел человек в сад, еще не сказал ничего, не сделал ничего плохого, а чует сердце, – принес беду. Так было, когда Жанетта умерла, вот так же вошел молодой парень, сожалею, у меня плохие новости, ваша супруга...

– Здравствуйте.

Дюреаль делает хорошую мину при плохой игре, вежливо пожимает руку гостя. Гостя... Наклоняет голову. Ждет.

– У меня для вас плохие новости...

Дюреаль кусает губы. Так и думал.

– И... что же?

– Ваш сын...

Сердце падает в бездну.

– Разбился?

– Нет, месье. Скажем так, с самолетом моментально потеряна связь.

– Помехи?

– Нет, месье. Самолет исчез с радаров... такого никогда не было...

Ч-чер-рт...

– Когда... когда это случилось?

– В момент наступления нового года.

Дюреаль молчит.

– Я очень сожалею, месье Дюреаль...

– Благодарю вас. Желаю вам счастливого нового года...

- Пять минут до эфира, Нинка, я стесняюсь спросить, ты так и вылезешь в эфир чучелом?
- Да на себя посмотри, только ворон пугать!

Нинка в спешке приводит себя в порядок, все равно в зеркале отражается какой-то бодун во плоти, белая горячка как она есть. Народ с похмелью увидит, надолго запомнит...

Да кто эти новости вообще смотреть будет, вы мне покажите идиота, который в новогоднюю ночь станет новости смотреть...

Ладно, ничего, бывает хуже. В гроб, конечно, и то краше кладут, да Нинке же не в гроб, Нинке же в эфир... Ну что, что опять, в студию вваливается взъерошенный пацан, откуда они только берутся, хочется взять швабру, вымести их всех, как котят...

- Это... с Владивостоком связи нет.
- Еще у тебя с чем связи нет? Позвонить туда не судьба было, чтобы наладили?
- Это... и дозвониться никак.
- Линия, что ли, перегружена?
- Да нет... просто... не отвечают. Трубку не берут... как будто нет там никого. Во всем

городе...

- Да не трещал бы ты так, парниша, и без тебя башка трещит...
- Это... с Хабаровском та же фигня... с Токио... везде, где новый год уже прошел...
- Это нехило новый год прошел... с размахом.
- Да нет, я серьезно... – парень приглаживает космы, торчащие во все стороны, – что делать-то будем?

Цыкин взрывается. Нинка давно уже чувствовала, что Цыкин взорвется, только не знала, когда...

– А что делать? – ревет Цыкин, – я, что ли, Владивосток этот спасти должен? Все, продрали эфир, мать вашу... давайте уже... обращение этого ставьте... этого... кто там сейчас на троне...

Нинка покорно ставит обращение этого, который сейчас на троне, Цыкин, все еще злой, разливают шампанское, сыплет проклятиями, люди в студии чокаются...

Бьют часы...

Там, где только что стояли люди, вздрагивает темная пелена, тут же исчезает.

- Ма, а мы пони возьмем?
- Потом, потом...

Мама заталкивает Эллину в самолет, Эллина никогда не летала в самолете, и пони тоже не летали, Эллина их специально так держит, чтобы они все видели, какой самолет большой, и людей сколько, а Пинки Пай как будто спрашивает, а почему надо ремни пристегивать, а Эллина ей ответит, а чтобы с кресла не упасть, когда самолет полетит... как мама Эллине объясняла...

- Ледис энд джентльменс...
- ...уважаемые пассажиры, приветствуем вас на борту...

Эллина считает пони, в спешке их собирала, мама вечером в квартиру ворвалась, Эллине крикнула – бежим, Эллина еле успела пони в охапку сгрести, маме сказала – без пони не пойду. Вот они все, Пинки Пай, Рарити, Рэйнбоу Дэш, а Флаттершай где, а Флаттершай нет, осталась...

- Мама, а Флаттершай забыли!
- Мы за ней вернемся. Потом.

Мама говорит, и так говорит, что Эллина видит – не вернуться они туда. Никогда. Эллина знает, когда мама врет, как тогда, в магазине, Эллина домик для пони увидела, а мама сначала пластинку свою завела денег-нет-денег-нет, а потом давай врать, а он уже дома стоит, пойдём домой...

Элина же знает, что так не бывает...

Плачет Элина, вырывается, мама ее ремнями пристегивает, и тетеньки вокруг суетятся, бегают...

А снаружи что-то творится, люди к самолету рвутся через ограждения, скандируют мы-хо-тим-жить-мы-хо-тим-жить, ну и живите, кто вам не дает... самолет в спешке закрывает люк, разгоняется наравне с другими...

– Гляди, гляди...

– Вон-вон-вон!

Элина ничего не видит там, куда показывают люди в самолете, только чувствует, как идет с востока что-то... что-то... непонятное что-то.

Закладывает уши.

Земля падает куда-то вниз, вниз.

Элина смотрит на землю, узнает...

– А вон Биг Бэн! Ма, это Биг Бэн, да?

– Да, да, молодец...

Что-то непонятное остается там, там...

Кто-то осторожно предлагает отпраздновать новый год.

Кому-то обещают затолкать его слова в глотку.

Цинь Хань бежит к стойбищу, взапуски с братом, у брата ноги длинные, брат вреднючий, быстрее бежит...

– Не отставаа-а-а-й!

Какое там не отставай... брат вон уже где... а надо бежать, надо спешить, а то вот, брат напугал, сказал, племя без них откочует. Скажет племя, фу, какой мальчик нехороший Цинь Хан, убежал, вот и оставим его на растерзание этому...

Этому...

Которое за нами спешит.

– Скорее-ей!

А брат уже там, в стойбище, а стойбища-то уже и нет, собрались все. Повозки, кухни полевые, вездеходы, волю, лошади, все снялось, все вперед-вперед покатилося, на запад, на запад, вслед за уходящим солнцем.

Так велено. Надо за солнцем идти. Ме-едленно-ме-едленно солнце по небу плывет, и вот надо за солнцем поспешать, а то заберет то, что за нами идет...

Бежит Цинь Хан. Торопится. А то никак без него племя уйдет, и заберет Цинь Хана то, что идет с ночью... Раз замешкалось племя, видели это, ух, страху натерпелись...

Бежит Цинь Хан, бросается к мамке, кидается на шею, вот он я, живой...

Мамка Цинь Хана хлопает. Больно. Сильно, ишь, куда разбежался, силы беречь надо, как сейчас идти-то будешь?

И слезы градом из глаз, ревет Цинь Хан во весь голос, и брат, окаянный, радуется, кузнечиком дразнится...

Сидит Цинь Хан на краю повозки.

Ревет.

Катится за солнцем стойбище. Старики на повозках сидят, беседуют, вот, говорят, раньше солнце быстрее по небу шло и темное что-то быстрее людей догоняло.

Сейчас не то.

Сейчас можно и стоянку разбить.

Смилоствивились боги.

Мамка идет. Сжался Цинь Хан, сейчас опять нахлопает, дескать, мальчики не плачут, и все такое.

Нет, не нахлопала, слезы утирает, волосы ерошит, не реви, мол, и полную охапку лошадок тряпичных Цинь Хану тащит. Во, гляди какие, от прабабки остались.

Радуетя Цинь Хан, у-у, это же теперь у него собственное племя будет, и стадо лошадей, они у него по степи кочевать будут, как всамделишные, ты-гы-дым-ты-гы-дым...

– Виноват.

Илу опускает голову. Тут лучше самому признаться, что виноват. Может, помилуют. Если повезет.

– Когда ты снялся со стоянки? – вопрошает наставник.

Илу опускает голову еще ниже. Он видел, так один парень делал, который золотой браслет украл. Только тут не браслет, тут пострашнее дело будет...

– Вечером.

– Вечером, это во сколько?

– В... шесть.

– Не ври!

– Илу смущен. Сам знает, врать нехорошо, а то хуже будет.

– В семь.

– То есть, когда зло уже пришло?

Илу опускает голову еще ниже, вот-вот голова отвалится.

– Да.

– За такое знаешь, чего полагается?

– Илу не знает. Но догадывается. Слушает приговор.

– ...варивается... к смертной казни.

Илу думает, что ослышался. Ошибка какая-то. Припугнуть хотят, не иначе, чтобы неповадно было...

А как припугнуть, как с такими иначе, с отступниками, которые со стоянки не вовремя снимаются. Эдак один не вовремя со стоянки снимется, другой не вовремя, и пошло-поехало. Эдак вообще никто странствовать не будет, а правда что, а на кой черт нужно, вообще люди память предков забудут, богов забудут, то, темное забудут, что ночами приходит...

– На костер!

И снова ёкает сердце. Нет, это уже лишку дали, на костер... вон, в соседнем племени кто с места не вовремя сдвинулся, кто дотемна на стоянке замешкался, голову срубят, и все тут, а тут на тебе... на костер... Нет, Илу и сам знает, много кого на костре сжигать надобно, хоть этих, еретиков, которые спрашивают, почему надо за солнцем идти, от ночи уходить. Что непонятно-то, солнце – бог наш, свет дающий, а ночь жизнь отнимает, вот и надобно идти от тьмы к свету...

Это Илу про еретиков. Только у Илу ереси и в мыслях не было, ну замешкался, замотался, а как не замотаешься, сын маленький заболел, пока собрались, пока туда, пока сюда, вот и стемнело...

Хорошо еще, виноватого одного Илу наказывают, а то бы и всю семью Илу туда же... Так что у нас в племени еще жить можно, это вон, там, у нерсей чего придумали, один дотемна замешкается, всю семью его вырежут...

На костер...

Вяжут руки Илу, Илу еще не верит себе, нет, нет, быть не может, это так, припугнуть...

На костер...

Жены Илу бросаются к мужу, тащат их назад стражники...

Дождишко меленький зарядил, ну хорошо, хоть хворост отмокнет, хоть не сразу запалят...

А потом небо на землю упало. Заревело, загромыхало, и бах – на землю.

И люди все врассыпную кинулись.

Стоит Илу, к столбу привязанный, смотрит, как с ревом и воем опускается на землю что-то огромное, крылатое, с небес. Опускается, делает круг, замедляет бег...

Из стальной птицы выходят двое. Он и она. Изумленно оглядываются вокруг, смотрят на проржавленные остовы зданий, поросшие быльем руины. Женщина спешит к связанному Илу, кричит что-то своему спутнику, Жан, Жан... торопливо разрезает пути Илу, повторяет что-то на малопонятном языке...

Интерактив

– А в чём дело-то?

Припоминаю, где, когда и кого у нас в подъезде обчистили, у кого плазму вынесли или ещё что, что полиция нагрязнула. Припоминаю, кого видел в подъезде последний раз, ничего не припоминается, бабки какие-то, дедки, внучки, жучки, репки, хотя нет, репок не было...

– Вы арестованы.

Ослышался, что ли...

– Вы арестованы.

– А... за что так?

Какая сволочь мне наркоту подкинула, или я не знаю, что... бывает такое, поссоришься с кем, он к тебе придет вроде как мириться, и коксик подкинёт, а потом полицаев науськает... И посадит. Посадил дед... репку... Так и есть, идёт полицай, крадется, вынюхивает, останавливается возле интерактива, от телека-то моего чего надо, не понял я...

– Ваш?

– Ну...

– Давно купили?

Могу документы показать, – взрываюсь, ещё не хватало, обвинять будут, что телек спёр, да не телек, тут система-то посложнее будет... вытаскиваю документы, где они, где, неужели выкинул, меня самого потом так выкинут...

– Да нет... я спрашиваю, давно купили?

– Да год уже...

Человек в форме присвистывает. Второй, шупленький, замирает у двери. Подумываю, как бы этого шупленького садануть кулаком в живот, выскочить на лестницу, смотрю на кобуру, уже не подумываю.

– Нехило... это ж вы сколько народу положили...

– К-когда? – давлюсь языком.

– Да погоди, Мишаня, он, может, так... по мелочам...

– Счас глянем... – человек в форме включает телек, который не телек, жмет на что-то, э-эй, вы там мне технику-то не поломайте, сами потом сядете...

– Ка-ак же, сядут они... посадил дед, блин... Репку... Репка отсидел, вышел и замочил деда...

– А мне бы это... интересные новости заказать...

– Какие, простите?

Вот, блин, вылетело, вылетело из головы слово. Новости, новости... интернетные. Не то. Интер... бли-ин... как всегда, слова теряются, вываливаются из головы, бабка, покойница, велела все слова в кошельке держать, чтоб не рассыпались, да у меня и кошелька нет... Это у бабки все аккуратненько так, слова в одном кошельке, память в другом, до последних дней всё помнила, вот, первый раз в первый класс пошла, домой прихожу, папка спрашивает, какую молитву пели, я говорю – Вставай, проклятем заклеяменный...

Слово, слово...

– Интерактивные.

Смотрю на Кирюху. С ненавистью. Зачем ляпнул, зачем. Так бы без тебя не вспомнил, что интерактивные. А не вспомнил бы, девки бы подсказали.

– Да, пожалуйста, на любой вкус... вы для себя выбираете?

Девчонка убегает, еще думает спрятаться, врешь, не уйдешь, он не даст тебе уйти.

Я уже знаю – не даст.

Так и есть, настигает её, здоровый громила откуда-то из-за бугра, хрен его пойми, откуда приехал, из какой тмутаракани... хватает девчонку, бьет ножом, еще, еще, еще...

Замираю.

Вот черт...

Зверина бешеный...

Так и есть, двадцать ножевых ударов, изнасилование... в настоящее время ведутся поиски преступника, всем, кто знает о местонахождении, и все такое...

Киваю.

Ищу новости. Ещё. Выбираю в разделе криминальная хроника, что бы еще такого глянуть... Ладно, изнасилований с меня на сегодня хватит (ха-ха), а вот кража со взломом... вот это поинтереснее будет...

ЗАГРУЖАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ...

ВЫ УЖАСАЕТЕСЬ ВСЯКИЙ РАЗ, ВКЛЮЧАЯ ТЕЛЕВИЗОР?

ВАМ НАДОЕЛО КАЖДЫЙ РАЗ ХВАТАСЬ ЗА СЕРДЦЕ, ЖДАТЬ ОЧЕРЕДНЫХ НОВОСТЕЙ?

ТОГДА НАША НОВИНКА – ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

С нашим интерактивным новостником вы сами можете выбирать, какие новости услышите сегодня! Вам больше не придется хвататься за сердце, слушая об очередном теракте или катастрофе!

Интерактивный новостник – твой шаг в будущее!

Что бы еще посмотреть... такого... эдакого... перебираю по каталогу, хочется особенного чего-то, все уже приелось... глобального... да не, глобальное тоже уже приелось, вон, вчера в Катманду вулкан какой-то взорвался, сколько народу полегло... Так что это фигня уже, а хочется чего-то... а во, давненько в школах ничего не случилось, скучно прямо... хоть бы чего там... ну, не знаю...

Набираю в поисковике...

В школе... ну, скажем, номер тридцать семь...

Дальше что... ученик десятого класса...

Поисковик выдает – принес...

Точно, принес... чего бы такого... хлопушку... нет, не то... перебираю варианты в поисковике, а вот, гранату, что надо... и...

Поисковик подсказывает:

Взорвал...

Точно, взорвал на уроке... м-мать моя женщина, неужели правда такая новость выискалась, нехило...

Смотрю...

Как сообщает агентство новостей, сегодня в девять тридцать по московскому времени...

Смотрю, как из школы выволакивают на носилках что-то, прикрытое простынями, залитое кровью, бр-р-р, м-мать моя женщина, бывает же...

– Имя, фамилия? – страж порядка смотрит на меня...

– Моя?

– Ну, свою я знаю...

Называю имя, фамилия почему-то вылетела из головы, как в первом классе, первый раз, блин, в первый класс, Мариванна спросит, а фамилия как, а ты стоишь и не знаешь...

– Забыли?

– Н-ну... – протягиваю паспорт, вон, читайте, завидуйте...

– Чего, Кирюш, глянем новости...

Показываю Кирюхе на новостник, интересно, чего Кирюха смотрит...

– Глянем...

Кирюха включает поисковик, блин, даже интерфейс нормальный сделать не мог, оставил по умолчанию...

– В Оймяконе...

– Это где такое?

– В Сибири где-то...

– У-у-у, тмутаракань...

– В Оймяконе построили новый... кардиоцентр...

– И чего?

Кирюха пожимает плечами.

– И ничего. Открыли... центр...

– Да ну ты на хрен, давай другое что...

Кирюха пожимает плечами.

– Ну, вот... на Байконуре...

– Это где такое?

– В Казахстане... состоялся успешный запуск ракеты Протон... вывод спутника на орбиту... – Кирюха смущенно фыркает, – блин, не понимаю в спутниках ничего...

– Строка сама что-то подсказывает, она же умная...

– И чё?

Кирюха смотрит на меня, не понимает:

– А чё?

– И куда упал?

– Да никуда не упал, летает.

– Тьфу на тебя...

– Вы арестованы.

– За что... что такое?

Земля качается под ногами, ошибка какая-то. Глухаря на меня хотят повесить, не иначе, нет, не того, который в лесу летает, а этого... ну да. Что там полагается... адвокат. Могут удерживать не более сорока восьми часов... Ещё что... отобрать все шнурки и резинки, ладно, это они сами уже сделают...

– За это, за что же... – человек в форме показывает на интерактив. Надо же, с перепугу даже слово выучил, бывает...

– У меня у одного, что ли?

– А у кого ещё?

Начинаю понимать. Кирюшка, с-сука, Кирюшка натравил, завистиник, конечно, тот ещё, но что-то от него не ждал... зависть ему вообще глаза выжрала, не видит, что творит...

– У Кирюшки.

– У какого Кирюшки?

– Ну... Кирилл... Кирилл... – вспоминаю фамилию. Не помню. Не знаю. Я не бабка, чтобы все помнить, у меня даже кошелек нет слова складывать.

– Пойдемте... я покажу.

– Что?

– Ну... где живет... у него тоже штука такая... мы с ним... вместе...

– Пройдемте.

– Оглядываюсь на интер... не помню слово. Всё при всем, легально купил, документы есть, что не нравится...

– А сколько мне светит?

Садимся в машину. Почему ноги меня не слушаются.

– А вы сами как думаете?

– Ну... штраф...

– Какой штраф, окстись, мил человек, тут пожизненным пахнет...

Не понимаю. Что там было в этом телеке, который не телек, секретные разработки какие-то... ну а я-то тут при чём...

Здесь.

Поднимаемся на этаж, ну только посмей не оказаться дома, проскальзывают мимо нас по лестнице дедки, бабки, внучки, жучки, репки, боязливо косятся на нас...

Человек в форме жмет звонок, за дверью слышится чив, чив, чив, чив, чир-р-р-р...

Щёлкает замок.

Ну, только посмей не открыть, только посмей запрятать свой телек, сделает счас невинные глазоньки, а я чё, а я ничё, какой интернет... или как его... не знаю...

– День добрый, – человек в форме показывает корочки, – интерактив ваш посмотреть можно?

– А...

Кирюха не понимает. Вижу, не понимает, ещё бы, вломились вот так, а можно посмотреть, сейчас огрызнется, скажет – ваш, что ли... Ну давай, огрызнись, скажи, получишь лет двадцать за оскорбление полиции...

– А... п-пожалуйста...

– Он-то ещё раньше купил... у него уже года два...

Люди в форме кивают. Кирюха суетится, включает экран, а вы что смотреть хотите, а может, кофе сготовлю...

– Да нет, нет...

Человек в форме снова делает что-то с экраном. Что-то, что может делать только человек в форме. Смотрит, прокручивает увиденное, по годам, по датам, по дням, по неделям...

Перевожу дух. Земля потихоньку возвращается под ноги, еще не совсем, но почти. Мой девиз – четыре слова, тонешь сам, топи другого...

– Интересненько... и что, целыми днями, что ли, у экрана сидели?

– Да знаю я, глазам вредно...

Да я не про то... Нехило... Это вам госпремия светит, не меньше...

Это я узнал уже в камере. Что Кирюха получил госпремию, ну ещё не совсем, ну почти-почти. А интересное видео будут запрещать. Повсеместно. Видно, и правда разработали что-то такое, чего не надо было разрабатывать... я одного не понимаю, почему ему премию, а мне нате вам... не-ет, похоже, и правда Кирюха меня подставил... посадил, блин, дед Репку...

Тур

Сегодня я собрался в тур.

То есть, конечно, еще не сегодня, еще со вчерашнего вечера сложил чемодан, зубную щетку, полотенце, а то вдруг в гостинице не будет, бельишко кое-какое кинул, солнечные очки, погоду вроде пасмурную обещали, да кто из знает, если они что обещают, выйдет с точностью до наоборот.

Утром встал в половине шестого. Мог бы провалиться в постели хоть до одиннадцати, ничего бы не изменилось. Но встал в половине шестого, все-таки круиз.

До шести стоял в коридоре, ждал такси. Ровно в шесть сел на кресло в коридоре, поехал. Высчитал время до аэропорта, сидеть надо было двадцать минут.

Через двадцать минут я пересел на другое кресло, это был зал ожидания. Еще через десять минут подошел к пустой барной стойке, поставил рядом чемодан. Вспомнил, что у меня в чемодане бутылка воды, а значит, надо было сдавать в багаж.

Потом я пересел на еще одно кресло, это был еще один зал ожидания, тот, который перед самой дверью на взлетную полосу. Без четверти семь началась регистрация, и я снова пошел к стойке. Больше несиженных кресел не оставалось, пришлось сесть в самолет на то же кресло, что и в такси.

Через полчаса в самолете я перебрался к стойке, заказал в автомате котлеты с макаронами, положил тарелку в картонную коробку, чтобы все было как в самолете. Я рассчитал время до Каира – четыре часа, – все это время нужно было сидеть и читать заранее припасенный журнал «На борту». В двух шагах от меня стояла полка с книгами, но я не мог взять ни одной, потому что не взял книгу в самолёт.

Я вышел из самолета и взял такси до отеля, то есть, побродил по коридору и пересел в другое кресло. Через полчаса я вытащил из кошелька еще две банкноты, отдал водителю, то есть просто положил на стол рядом с креслами.

В отель пришлось подняться по лестнице на второй этаж коридора. У меня был плохой отель, полотенца в нем не было. Утром мне пришлось вымыться холодной водой, потому что горячей воды в отеле по утрам не бывало. Еще я на ночь зашел в соседнюю пустую комнату и включил там телевизор – чуть слышно. Это не спалось туристам в соседнем номере.

Наутро я забрался в автобус, чтобы ехать в Каир – то есть, вышел в коридор и сел в кресло. Ближе к полудню до смерти хотелось есть, но я дотерпел до двух часов, до остановки в придорожном ресторанчике. Опять же еле удержался, чтобы не наброситься на еду, выстоял перед пустой стойкой три минуты – столько времени хватило, чтобы прошли семь человек передо мной.

Когда сел за стол обедать, некстати посмотрел на дозиметр, который показал, что снаружи убежища двести микрорентген.

Приют

Распахивается дверь.

Хочу сказать – какого черта вваливаешься без стука, стучать не научили. Ну так я научу. Не ору. Вижу, как вошедший прогибается под грузом чего-то, в чем с трудом признаю усыпальницу.

Вот... посмотрите, что там, может, живое что.

Он выходит так же быстро, даже не успеваю понять, кто именно заходил. Хаим бросается к усыпальнице, пытается открыть, не может, тянется за ножом, вонзает лезвие в узкую щель, бьет по рукоятке камнем.

– Сломаешь, – говорю осторожно.

– Она ему все равно не нужна больше... ему... кто там...

Усыпальница с треском разламывается, Хаим отскакивает, потирает переносицу.

Смотрим внутрь.

Что-то покоится там, в глубинах, что-то пятиконечное, иглистое, сияющее. Что-то, от одного вида которого хочется закрыть коробку и не открывать больше никогда.

Никогда.

– Это... это откуда такое? – спрашиваю, сам не знаю, кого.

– Нам какая разница, нам сказали – позаботиться...

Хаим натягивает перчатки, тащит из коробки что-то пятиконечное. Тут же отскакивает, а-ах, чер-рт, сует руки в раковину, жжется, с-сука, жжется, бормочет что-то, смыть большим количеством проточной воды...

Жду. Хаим что-нибудь придумает, как вытащить это. И правда придумывает, выталкивает палкой, буквально вываливает нечто пятиконечное в жестяную ванну.

– Хоть бы сказали, при какой температуре живет, чем дышит...

– Да они сами не знают.

– Тоже верно... ой, не было печали, купила баба порося...

– Что?

– Да ничего, мысли вслух...

Нечто разлапистое, жуткое, приподнимается в жестяной ванне, еле сдерживаюсь, чтобы не шарахнуться в сторону.

А как мы хотели, приют и есть приют.

Приют и есть приют. Тогда я тоже так подумал. Тогда. Когда полгода назад принесли это...

Вот так же. Открылась дверь в какие-то неведомые миры, и он (кто он?) бросил нам усыпальницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.